ПЕТР АЛЕКСЕЕВСКИЙ

ИСПОВЕДЬ РАЗВЕДЧИЦЫ

ОЧЕРК ОДНОГО ПОХОДА

Издательство «Глобус»
Сан Франциско
1983

ПЕТР АЛЕКСЕЕВСКИЙ

ИСПОВЕДЬ РАЗВЕДЧИЦЫ

ОЧЕРК ОДНОГО ПОХОДА

ОБЛОЖКА РАБОТЫ Г. Б. АВИСОВА

PETR ALEXEEVSKY

ISPOVED' RAZVEDCHITSY

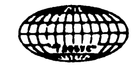
Ocherk odnogo pokhoda
1919 - 1937

CONFESSIONS OF A SPY
Report of one operation 1919-1937

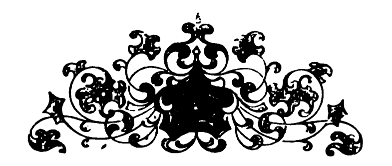
Library of Congress Catalog Card Number: 82 - 84014.

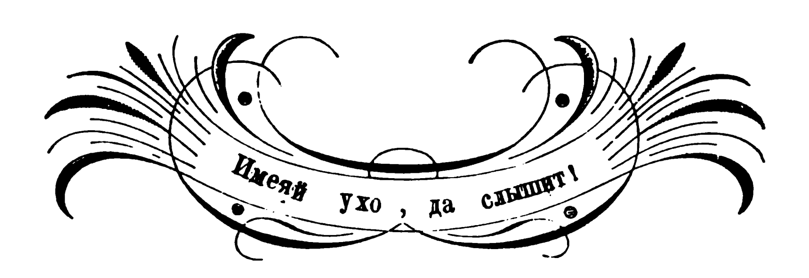
ISBN 0-88669-063-3

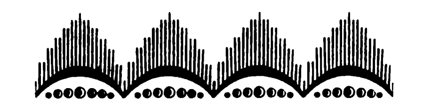
Printed in United States of America.

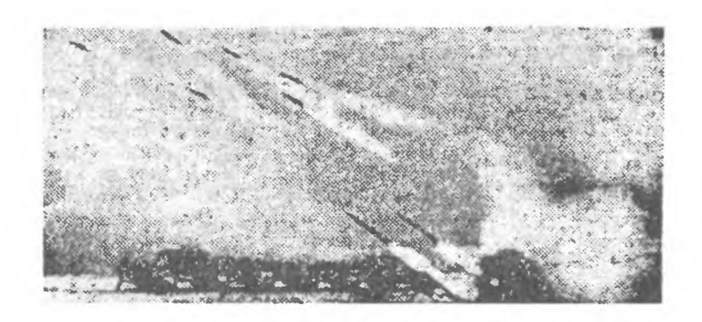

Globus Publishers, P. O. Box 27471
San Francisco, CA 94127. U.S.A. Tel. (415) 668-4723

Имеяй ухо, да слышит!

ПРЕДИСЛОВИЕ

Время течет и изменяется. Проходят дни, годы, десятилетия; меняются города, горы, степи, леса, реки, моря, океаны, материки.

И все это емкая человеческая память фиксирует, где-то там, в черепной коробке, размещает, хранит, по мере надобности выдает наружу...

Поистине, человек творение не слепой природы, а, несомненно, разумной Институции.

Но оставим философию и обратимся к прозе. А проза эта — литературное произведение. И в произведении сем перед читателем пройдут не вымышленные, а реальные люди и воинские формирования. В частности жизнь частей Сибирской Белой Армии — 2-го Барабинского Стрелкового полка и 1-й Новониколаевской Пехотной дивизии, от формирования их и до отшествия в небытие.

Имеяй ухо,
да слышит!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

> ...Грядет Арей:
> В очах его — месть,
> Из уст пышет кровь.
>
> **Софокл.**

Гражданская война в Сибири развивалась. Одна из дивизий Сибирской Белой армии, продвигаясь эшелонами на запад, приближалась к Омску — тогдашней белой столице Сибири. Офицеры разных чинов и возрастов сидели в классных вагонах воинских поездов и ждали, куда направят дивизию — на Челябинск или на Екатеринбург.

Двинулась она в екатеринбургском направлении. Перевалив Иртыш, эшелоны ее вступили в полосу буранов; пока формировалась она на Оби, на землю легла ранняя сибирская зима. В одно буранное утро дивизия сосредоточилась в Екатеринбурге. Отсюда направилась она на Пермь, с интервалами между эшелонами в пятнадцать минут, в предвидении возможного столкновения с красными. На крутом и длинном подъеме сторожевой эшелон ее разорвался на две части; меньшая осталась при паровозе, а большая покатилась назад под уклон.

Шла ночь. На землю ложился пушистый снег. Классный вагон канцелярии передового полка находился в

хвосте другого, следовавшего за сторожевым, эшелона. Спавшая в его купе вольнонаемная машинистка строевой части Нина Павловна Тольская проснулась от толчка. Компаньонка ее по купе машинистка хозяйственной части, толстуха Зина, нагулявшись с вечера с офицерами в Екатеринбурге, спала сном праведницы. Нина Павловна подняла окно. В него ворвалась и захолодила на открытом плече снежинка. Опустив окно, натянула она на ноги бурки и, надев поверх ночной рубашки беличью бекешу, вышла в коридор. В нем казначей.

— Что случилось? — спросила его.

— Крушение.

— Крушение?

— Да. И ужасное. Оторвавшаяся от первого эшелона часть вагонов пошла назад под уклон и налетела на наш состав. Переднюю часть его разнесло, очевидно со всем штабом, в щепки.

Нина Павловна как стояла полуодетой, так и выскочила из вагона, упала руками в снег, поднялась и побежала туда, откуда виднелось пламя, доносились голоса. Бежала, погружаясь выше колен в снег, и видела в возбужденном воображении груду вагонных обломков и под ними истекающего кровью командира полка подполковника Вакина.

Распоряжавшийся спасением раненых в крушении солдат и локализацией огня, глянул он вдоль искареженного происшествием и заваленного горевшими вагонами железнодорожного пути. К пожарищу приближалась с полуобнаженной грудью, вытягивая из снега то одну, то другую ногу, Нина Павловна. Лицо у нее белее снега. На белом лице лихорадочно блестят большие карие глаза и темнеют полураскрытые уста. Увидав окутанного дымом Вакина, остановилась, глубоко вздохнула и запахнула на груди бекешу.

— Мадемуазель Тольская! — проговорил, обращаясь к ней Вакин. — Здесь не место девушке. Да и простудитесь. Ступайте в вагон.

Нина Павловна провела рукой по заснеженным волосам, повернулась и пошла назад. Шла и думала:

«Что это я? Сошла с ума? Похоже, что сошла. И по ком? По классовому врагу. По врагу того дела, за которое борется моя партия и я сама. Хорошая революционерка! Ну, что ж, что погиб бы! От этого мировая революция только бы выиграла».

Охваченная чувством, противоположным тому, какое только что переживала, шла и не замечала, что бурки ее полны снега, полы бекеши расходятся, подол рубашки цепляется за торчащие из снега кусты и рвется в клочья.

«Итак, события начались! — продолжала она думать, пробираясь к вагону своему. — Не начались, а видимо начаты. И начаты не кем иным, как Турбиным. Но какой, однако, скотина! Не обмолвился ни словом».

Пушистый снег ложился на непокрытую голову ее, на опустившиеся на плечи каштановые косы, таял и капельками скатывался на полуоткрытые плечи.

«Много получилось крови? — шептала, подходя к вагону. — Да. Не мало. Но что ж поделаешь! Мировая революция не ссора соседей».

Похороны жертв крушения и расчистка пути задержали дивизию на сутки. Справившись с ними, двинулась она дальше, вскоре выгрузилась, развернулась, вошла в соприкосновение с противником и повела в составе корпуса наступление. Начальник разведки того полка, которым командовал Вакин, подпоручик Турбин, проявил при этом кипучую деятельность, сутками оперируя с конным взводом в отрыве от части. Наладив разведку, обосновался он в штабе полка и стал наблюдать за обитателями его. Вакин вел себя солидно, приказания раздавал толково, временами бросал внимательные взгляды на Нину Павловну. Стареющий адъютант, поручик Обрис, не отличался ни деловитостью, ни умом; перед прекрасной машинисткой своей не знал какой ступить ногой. Нина Павловна относилась к адъютанту равнодушно, в Вакине души не чаяла. «Вместо того, чтобы влюбить его в себя, сама влюбилась в него», — подумал Турбин и как-то диктуя ей разведовательное донесение в штаб дивизии шепнул, что хотел бы поговорить с нею. Кончив работу, вышли на улицу.

— Куда бы пойти? — проговорил Турбин, беря девушку под руку.

— В соседний Выселок, — отвечала она.

— По делу?

— В разведку.

— В веселом настроении изволите пребывать.

— А вам это не нравится?

— Я, Нина Павловна, человек долга, а не настроения.

— Оно и видать.

— И долг этот повелевает нам не шутки шутить, а начинать служить революции.

— Вы, кажется, начали уже.

Турбин скосил на девушку стальные глаза.

— На железной дороге... У станции Кузино..., — продолжала она.

— Да, да. Там вспыхнул факел революционной диверсии.

— Вспыхнул?

— Вспыхнул ли, зажжен ли кем — не все ли равно. Главное не в этом. Главное в том, что он вывел из строя сотни две белых бойцов, задержал дивизию и тем дал возможность группе красных братьев наших выйти из окружения.

— И ни словом не обмолвились.

— Зачем бы я стал преждевременно утруждать милую головку вашу.

— Не вздумайте начать объяснения в любви по примеру прочих офицеров.

— До завершения мировой революции от меня этого не ждите. Когда кончится она отдам должное красоте вашей. А до той поры бесполое существо я; существо, для которого нету ни мужчины — ни женщины, ни отца — ни матери, ни брата — ни сестры, а есть товарищ в брюках и товарищ в юбке, враг с усами и враг без усов. А вас поздравляю с достойным революционерки поведением во время крушения.

— Мое личное поведение не касается вас, — проговорила Нина Павловна, сверкнув на собеседника гневным взором.

— Не касалось бы, если бы вы не теряли при этом рассудка.

— Не беспокойтесь! Для меня, как и для вас, революция превыше всего.

— Прекрасно. На этом прекратим декларативные заявления. Нет ли у вас каких-либо интересных вестей?

Нина Павловна молча вынула из муфты руку и подала Турбину сложенный вчетверо пахнущий духами документ. Турбин взял его и развернул.

— О-о! — воскликнул, глянув в бумагу. — Подлинная директива армии!

— Подлинная.

— Можно было бы обойтись и копией. Подлинника могут хватиться.

— Не хватятся. Директива прислана для ознакомления и уничтожения, и Обрис поручил мне сжечь ее.

— Чудесно. Но в будущем передавайте, что найдете нужным не на прогулках, а вместе с возвращаемыми черновиками печатаемых разведывательных сводок. И не таким надушенным. Духи, в случае чего, обличительный признак.

Дойдя до Выселок, повернули назад.

— Влияние ваше на Обриса, — продолжал Турбин на обратном пути, — большое революционное достижение. Но не главное. Главная ваша революционная задача завладеть душой и телом подполковника Вакина.

Нина Павловна потупила взор.

— Завладеть вниманием, — продолжал Турбин, — завлечь в женские сети...

— Говорите как нибудь по иному, — взмолилась собеседница.

— Извините! Результат бесполого существования моего. Короче говоря, завладеть вниманием его и склонить к переходу с полком на сторону красных.

Нина Павловна остановилась. В хорошенькой и сообразительной головке ее замелькали красные полки, появился салон-вагон, Вакин в нем и она около него.

— Поражены? — проговорил Турбин, дотрагиваясь до руки девушки.

— Фу! Даже в жар бросило.

— Идейка, что надо.

— Идея хороша, но трудно осуществима.

— «Дерзайте и вы победите!» Вакин только кажется равнодушным; на самом деле он влюблен в вас.

Нина Павловна снова остановилась.

— Не останавливайтесь раз за разом и не демонстрируйте на виду у штаба состояния своего.

Девушка зашагала.

— В том, что Вакин влюблен в вас ничего нету удивительного. К вам может оставаться равнодушным только такой импотент, как я. Вы, однако, неумело пользуетесь оружием своим. Скромность и сдержанность хороши в маминых гостиных. На поле же революционной брани нужна не сдержанность, а смелость, напористость. Проявите напористость эту и Вакин окажется у ваших прекрасных ножек. И когда склонится он к ним, начните нашептывать ему о его талантах, о том, что таланты эти его начальством не замечаются? Разные там бездарности вроде Оболина начальствуют над дивизиями, командуют корпусами, а такие таланты, как Вакин, сидят на по́лках. Попутно шепните, что вот де Тухачевский вышел из мировой войны в чине куда ниже, чем он, Вакин, а у красных командует армией. А чем Вакин хуже Тухачевского? И так далее и тому подобное. Если Вакин станет слушать вас (а какой влюбленный не будет внимать болтовне любимой) пообещайте ему на первых порах красный корпус. Предложение исходит не от меня, а от представителей штаба советского восточного фронта, с которыми встречался я неделю тому назад, будучи в разведке. И они и я считаем, что из Вакина вышел бы командарм не хуже Тухачевского. При хорошем комиссаре, разумеется.

— Например, при вас.

— А что! Я был бы не плохим комиссаром или членом Реввоенсовета.

— Были б...

— И буду, если успешно выполню здесь задачу.

— Мечты...

— Мечтами все, милая моя, сопровождается. Мечтая о счастливой жизни люди женятся; мечтая населить землю гениями, детей рождают; мечтая попасть в рай и помирают. Вон ваш Отелло в аксельбантах откуда-то вернулся, слез с лошади и пошел в избу. Как бы не заметил нас. А то, если заметит, чего доброго приревнует и спихнет меня с должности начальника разведки. Тогда и в самом деле мечты мои останутся только мечтами. Между прочим, связь наша с красным командованием, как я уже упоминал, установлена и оно интересуется персоной вашей. Отвечайте на вопросы.

— Где родились?

— В Тобольске.

— Сколько вам лет?

— Двадцать.

— Образование?

— Среднее.

— Социальное происхождение?

— Дворянка.

— Партийная принадлежность?

— Член РСДРП(б).

— Теперь РКП(б).

— Переименована?

— Да. Но об этом позже. А сейчас — до свидания! Идите не останавливаясь. Обрис вышел вон из избы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

> **Для смелой рати нет преград,**
> **Воители отвагою горят.**
> **Фирдоуси.**

Форсировав при слабом сопротивлении врага Уральский хребет, полк Вакина вышел на линию Чусовских Городков. Население занимаемых районов относилось к наступающим благожелательно. И не только крестьяне с их «мелкобуржуазной психологией», но и рабочие «гегемоны революции».

Разбив у Чусовских Городков противостоящую часть красных наголову и открыв корпусу дорогу на Пермь, полк Вакина, не давая противнику времени закрыть дыру, двинулся вперед. На коротком ночном привале Вакин позвал к себе начальствующий состав.

— Предстоит выслушать что-то важное, — проговорил командир батальона капитан Жмырин, сидя верхом на лошади и следуя в штаб полка по заметенной снегом лесной дороге. — Без этого Вакин не стал бы беспокоить нас в столь важном движении.

— Вероятно по поводу появляющихся в последнее время в ротах в изобилии красных прокламаций, — заметил Маштаков. — Откуда только берутся они?

— Красные оставляют, отступая.

— И всегда в тех местах, где останавливаются роты наши?

— Случайностей в жизни бывает немало. О чем пишут они?

— О всякой всячине. В последней листовке напри-

мер о том, что в тылу нашем замышляется монархический переворот.

— Чепуха несуразная.

Появившиеся на дороге дозорные направили кавалькаду в деревенскую школу. К прибытию ее, в школе сидело уже на партах немало однополчан, среди которых был и недавно произведенный в поручики за блестящие разведывательные операции при форсировании Уральского хребта Турбин. Вошел Вакин и с ним новое лицо в полку, подполковник Иловский, мужчина уже немолодой. Офицеры встали, зашаркав валенками по полу.

— Созвал я вас, господа офицеры, — начал Вакин, поздоровавшись, — для важной информации.

Офицеры насторожились.

— В Омске, — продолжал он, — образовалась новая государственная власть.

Поручик Сибирцев подался корпусом вперед. Капитан Козлов сощурил левый глаз. Турбин обвел присутствующих внимательным взглядом стальных глаз своих.

— Вокруг красной Москвы, — продолжал Вакин, — железное кольцо национальных армий сжимается.

— Генерал Деникин подступает к ней с юга, Юденич — с запада, Миллер — с севера, мы — с востока; не сегодня — завтра Москва будет нашей.

В классе произошло оживление.

— Чтобы не получилось такого положения, при котором стремящиеся с разных сторон к Москве доблестные военачальники, войдя в нее и не зная, что делать и кого почитать за старшего, не взялись бы за чубы для выявления старшинства — те, кому надлежит помышлять о судьбах России, сочли за благо учредить в Омске заблаговременно статут Верховного Правителя. И не только Сибири, но и всея России. На высокий пост этот возведен доблестный адмирал, бывший командующий Черноморским флотом, Александр Васильевич Колчак.

Присутствовавшие поднялись на ноги.

— В подчинение Верховному Правителю России, — продолжал Вакин, когда офицеры уселись, — войдут в

Москве все прочие военачальники, о чем довожу до вашего сведения. Вопросы есть?

Один из присутствовавших поднялся, шаркнул валенком и спросил:

— За какую Россию, господин подполковник, поведет сражаться армию Верховный Правитель? За старую или за новую?

О политической ориентации Верховного Правителя в полученной директиве не говорилось, но Вакин вспомнил понравившуюся ему в свое время ориентацию генерала Иванова-Рынова и заявил:

— Ни за старую, ни за новую, а за лучшую. Еще вопросы есть? Нет? Можно отправляться по ротам.

Снова хрустит под копытами лошадей падающий снег. Впереди, саженях в полустах, едут дозорные, за ними Жмырин, рядом с ним Дубровин, сзади остальные командиры рот. Группу замыкают вестовые. Лошади идут шагом, помахивая гривами и похрапывая. Люди молчат. Каждый переживает полученное известие на свой лад. За поворотом дороги, когда пошла она шире, Маштаков подъехал к Жмырину и заметил, что красные дьявольски хорошо знают обстановку в тылу нашем и своевременно, раньше чем наше правительство информируют нас.

— Вы находите?

— Да. Постегали казаки нескольких рабочих на Кыновском заводе и красные пишут об этом в листовках. Замыслил кто-то и что-то в тылу — тоже знают и пишут. А как вы думаете, господин капитан, омская акция эта явилась ко времени?

— Надобно полагать.

— Ко времени, если носитель ее будет служить интересам России, а не одной монархии, — заметил Дубровин.

— Этого то вот от него, пожалуй, и нельзя ожидать, учитывая прежнюю ориентацию, — продолжал Маштаков. — К тому же, приведший к единовластию государственный переворот естественным порядком, независимо от личности, скатится, и не может не скатиться, с нацио-

нального направления на предсказанный ему красной прокламацией монархический разгул.

— И получится от него польза не нам, а красным, — вмешался в разговор третий офицер. — До сих пор, все было просто и понятно: Учредительное Собрание, Директория его, потом, когда кончится гражданская война, снова Учредительное Собрание. И схема эта была близка и понятна мне, солдату и всякому другому простому человеку. А теперь что?

Кавалькада свернула с широкой дороги на проторенную войсками в снегу тропу, перестроилась гуськом и поехала молча. Зима выдалась в этом году ранней и снежной. Снега навалило на западных склонах Уральского хребта аршина два. И в снегу этом сибирский солдат пришелся, как нельзя лучше. Подвязывал какой-нибудь Петрован к пимам своим подвернувшуюся под руку плаху, взваливал на плечи двухпудовый мешок какой или тело пулемета и шагал по снегу, как ни в чем не бывало. С лошадьми получалось не то. Сбивалась какая с дороги и вязла выше брюха в снегу.

Преодолевая снежную стихию, полк приближался к Перми. Красное командование, учтя значение ее в обороне Приволжья, сосредоточило в районе ее значительные силы, опиравшиеся тылом на изрытое промышленными выработками, заснеженное и казавшееся непроходимым Закамье.

Подойдя к Перми раньше других и разведав боем систему обороны города, Вакин понял, что атака с фронта сильно укрепленного города дорого обойдется корпусу людьми. Положение это понудило его искать выхода. Выход рисовался ему в обходе. «А если неудача?» — возник вопрос. — «Ну что же!» — последовал ответ. — Неудача — смерть. А мертвые срама не имут».

Придя к выводу сему, оставил он на фронте один батальон под командованием подполковника Иловского для прикрытия обозов и приданной полку артиллерии, а сам форсировал с остальными батальонами с наступлением темноты Каму, послал офицера связи в штаб дивизии

с донесением и пошел в обход порученного директивой корпуса к штурму полком левого неприятельского фланга. Стояла темная ночь. При отряде ни коня, ни гужа. Пулеметы на плечах солдат. Запасы патронов в мешках. Вода для пулеметов во флягах. Идут солдаты в белых халатах выше колен в снегу, обходя рытвины, тремя колоннами. Вакин в средней. Идет и прислушивается. То, как ведут себя солдаты радует его: в колоннах ни цыгарки, ни стука лопаты, ни кашля. Обход длится три часа. Кругом голая снежная пелена. Ориентироваться не по чему. Но вот, впереди какая-то тропа и на ней человек. Солдаты беззвучно падают в снег. Невидимые дюжие руки хватают прохожего за горло. Миг и он на земле.

— Пустите дьяволы! — хрипит он.

— Кто ты? — спрашивает его подоспевший Вакин.

— Мотовилихинский рабочий, — продолжает хрипеть лежащий.

— Отпустите его.

Рабочий поднимается, трет шею и, разобравшись кто ему помял ее, говорит:

— Вона, какая, брат, вещь; должно и впрямь человек предполагает, а Бог располагает.

Вакин похлопал его по плечу.

— Думал добраться до вас дай Бог к утру...

— Добраться до нас?

— Да. И передать приветствие мотовилихинских рабочих.

— Вот как! В таком случае извини, брат, за непосольский прием — проговорил Вакин и подал рабочему руку.

— Ничего. Время то, вить, такое.

— Да, время неладное. Скажи, Богом посланный человече, где мы находимся?

— В Закамской части.

— В тылу у красных?

— В тылу.

— Где именно?

— Супротив Зареченского кирпичного завода.

Вакин сел в снег. Ординарцы прикрыли блеснувший огонек халатами. Ориентируясь по карте, спросил он ра-

бочего в каком направлении отсюда завод тот?

— Ежели станешь ты лицом туда, — продолжал рабочий, пересекая рукой снежное пространство, — и поведешь за собой в том направлении людей, то через час выйдешь на завод, пересечешь Каму и попадешь в город.

— А не мог бы ты, братец... Как тебя зовут?

— Петром.

— По батюшке?

— Ефимычем.

— Не смог бы ты, Петр Ефимыч, провести нас в город этот? Да так, чтоб пришлось поближе к главному штабу красных?

— Отчего ж не смочь? Смогу, господин полковник, если велишь дать какой ни на есть халатишко, чтобы и мне быть неприметным. Твоих молодцов в халатах заметил я только тогда, когда сдавили они горло мне.

Вакин снял с стоящего ординарца белый халат и подал его рабочему.

— Вот так. Теперь и я под стать снегу, — говорил Петр Ефимыч, запахивая полы натянутой на крупную фигуру свою белой хламиды. — Пойдемте!

Идти с проводником стало легче и физически и психологически. Обогнув какой-то овраг, вышли на протоpенную дорогу.

— Ту вон трубу видишь, господин полковник? — зашептал проводник, останавливаясь. — Кирпичный завод. А перед ним сушильные сараи и тыловая красная застава. Дай мне, господин полковник, взвода с два... Да не бойся, — продолжал, заметив недоверчивый жест Вакина. — Унтер я с германского фронта, знаю, что и как и сниму заставу без шума. И справлю тризну по брате своем, расстрелянном красными у сараев этих третьеводни, вместе с двумя другими рабочими.

Вакин нарядил два взвода при расторопном офицере и отпустил с ним проводника. Через час прибывший связной доложил Вакину, что путь на город открыт. Колонны сомкнули интервалы, двинулись дальше, прошли мимо сараев, у которых лежали частью перебитые, частью плененные красные.

— А то вон, — прошептал присоединяясь к Вакину Петр Ефимыч и показывая на темневшие за Камой дома, — начало Мотовилихинской улицы. И если пройти по ней кварталов с десяток и повернуть направо, там и будет главный их штаб. Дай мне роту и через какие-нибудь полчаса штаб этот перестанет существовать. Пароль узнал на заставе.

Вакин подозвал командира ближайшей роты, поставил ему задачу, представил проводника и велел идти. — Постой! — ухватил он за руку Петра Ефимыча. — Возьми вот мой револьвер и у ординарца ракетницу. Когда штаб будет занят, дай сигнал.

Потянулись томительные минуты ожиданий. Но вот воздух прорезала условленная зеленая ракета. Колонны полка перешли реку и растеклись по улицам сонного города. Там и сям поднялась стрельба. В красном городе началась паника. Не понимая, что делается, красные выскакивали из домов и либо попадали под пули, либо сдавались в плен.

С началом действия Вакина с тыла, началось наступление корпуса с фронта.

К утру бой кончился. Из нескольких сосредоточенных в городе красных дивизий не ушло ни роты, ни повозки. Победителям досталось большое число пленных, огромные запасы артиллерийского имущества, большие интендантские и провиантские склады. Число взятых одним полком Вакина пленных превысило в несколько раз состав собственных его батальонов.

Прошла неделя. В лучшем зале города гремел полковой оркестр. Старичок капельмейстер взмахивал руками. Подученные им за полгода молодые музыканты старательно дули в трубы. Офицеры кружили по залу в вихре вальса дам. Прекрасные пермячки клонили на плечи им милые белокурые головки и с упоением веяли подолами юбок. Полк праздновал победу и производство ряда офицеров в следующие чины. На балу присутствовал и произведенный в офицерский чин доблестный проводник, Петр Ефимыч. Началась мазурка. В первой паре вышел

с дамой творец победы Вакин. На плечах его новенькие полковничьи погоны и на голове прикрывавшая рану белая повязка. Лицо у него бледное. Рана пустяшная, но он долго носился с нею в пылу боя по улицам и потерял много крови. Пройдя тур, подвел даму к месту, поцеловал руку и скрылся за соседней дверью.

По залу проскользнул, уводя в вальсе Нину Павловну в угол за пальмы проболевший неделю эту поручик Турбин. Скрывшись от посторонних глаз, зашептал:

— Это, в конце-концов из рук вон плохо, Нина Павловна!

Тольская подняла на него карие глаза.

— Вакин задумал и осуществил дерзкий заход в тыл нашим, а вы не обмолвились о замысле его ни словом.

— Сама ничего не знала.

— Это то вот и плохо. Должны были знать!

— Не имела к тому ни малейшей возможности.

— Не имела... Не имела... Имели и имеете! Стоит только развязать арсенал женских чар.

Собеседница опустила глаза.

— Вы вот всякий раз, когда начинаю я говорить деловым языком, опускаете очи долу. Напрасно. Тот, кто стал на стезю революционной брани, должен откинуть ложный стыд. Стыдом ничего путного не добьешься. В обхождении с застенчивым с женщинами Вакиным нужна не скромность, а революционный натиск. И если бы вы применили его, губительного обхода не случилось бы и в районе Перми не погибло бы стольких дивизий наших, больших материальных ценностей. Нина Павловна, голубушка! Я разыщу вам в городе дамское седло, дам лошадь, ездить верхом вы умеете, поведите дело так, чтобы вам дозволено было безотлучно находиться в оперативной части, а не сидеть в канцелярии. Адъютант души не чает в вас и с удовольствием пойдет вам в этом навстречу.. В оперативной части ко всему прислушивайтесь и приглядывайтесь. Относительно Вакина. Добивайтесь всеми доступными хорошенькой девушке средствами и способами связи с ним.

Нина Павловна топнула ногой.

— К черту нравственность! — вспылил Турбин, — Красной столице, а вместе с нею и мировой революции, грозит смертельная опасность, а она не может отрешиться от буржуазных нравственных норм. Смотрите! Дотопаетесь ножкой! В одну из глубоких разведок встречался я с представителями красного фронта и вел с ними беседу о Вакине. Предлагал убить его... Чего вздрагиваете! Революционерка тоже! Революция на краю гибели, а она вздрагивает от перспективы гибели одного человека. В революции, милая моя, нету человека, а есть идея, нету сердца, а есть робот, нету высших ценностей, кроме ценностей служения мировой революции; ибо какую ценность представит муж, отец, мать и все человечество, если погибнет революция? Поэтому Вакин должен или погибнуть или начать служить революции. Третьего пути нет. Прежнее обещание дать ему на первых порах корпус при переходе на сторону красных, остается в силе. Действуйте, милая моя, действуйте! Этим спасете Вакину жизнь, а себе приобретете мужа.

— Мужем станет мне мировой революционный сполох! — воскликнула Нина Павловна.

— Сия с вашей стороны жертвенность будет оценена в свое время мировой революцией. А сейчас спасайте революцию эту. Главным врагом ее является на данном этапе борьбы Сибирская армия. И если мы, не одни, в совокупности с другими, не развалим ее изнутри, революция нам не простит. Пойдемте, однако, танцевать, чтобы не возбуждать излишней ревности у Обриса вашего. А то смотрите, как шарит он по залу глазами в поисках вас. Экий ревнивый Отелло!

Турбин обхватил рукой стройный стан девушки, незаметно вывел ее из-за пальм и заскользил в вихре вальса по залу.

Отдых полка, героя Перми, длился две недели и сопровождался балами. Приход в город Сибирской армии приветствовали все слои городского общества и особенно рабочие. Последние сии встречали ее не только декларативно, но и действенно, вступая добровольцами в армию.

Пополнившись на Мотовилихинском заводе доброволь-

цами, полк Вакина выступил в поход, нагнал дивизию и с хода атаковал лежавший на высоком правом берегу Камы город Оханск. Дневная атака не удалась. Полк перешел к ночной. Отдав с вечера нужные приказания, Вакин вышел из избы. Вестовой подвел к нему коня.

— Нина Павловна! — обратился он к стоявшей рядом с поводом в руке девушке. — И вы на командный пункт?

— Облегчить господину адъютанту, да и вам, издание оперативного приказа.

— Мило с вашей стороны. И жертвенно. Позвольте помочь сесть в седло? — проговорил Вакин, подставляя колено.

Нина Павловна раздвинула полы бекеши, подобрала подол юбки. Из под него мелькнула обутая в бурку ножка, и стала на колено кавалера. Миг и гибкое девичье тело приподнялось, повернулось вокруг оси своей и опустилось в дамское седло. От резкого движения подол юбки взметнулся и обнажил затянутую коричневым чулком стройную ножку выше колена. Вакин поднялся, обдал огнем глаз рдевшее морозным румянцем девичье личико, скользнул взглядом по вишневым губам, прошелся по подчеркнутой бекешей груди и остановился на открытой ноге. Нина Павловна стыдливо прикрыла ее. Вакин вскочил на каракового Кабардинца, сжал бока его шенкелями и припал к луке. Жеребец рванул, обдал вестового комьями снега и понесся по проторенной прошедшими батальонами лесной дороге.

Жеребец несся по ней, ветер свистел у Вакина в ушах, ветки хлестали лицо его, комья снега слепили глаза, а он ничего этого не чувствовал, крепко сжимал коню бока, мчался в даль и продолжал видеть перед собой волнующие кровь карие глаза, дразнящие воображение вишневые губы.

Несколько уняв в бешеной скачке бурлившую в артериях кровь, отпустил повод. Конь повел ушами и перешел с галопа на рысь.

«Что со мною творится! — воскликнул Вакин мысленно, приподнимаясь в седле. — Командир полка, отец ча-

сти и... любовная интрижка на глазах у части».

Смахнув с лица прилипший ком снега, продолжал мысленное рассуждение:

«Надобно будет взять себя в руки и ничего подобного больше не допускать. Из-за любви к девушке, хотя бы и самой прекрасной, не следует рисковать карьерой. А карьера у него блестящая. Ему нет еще и тридцати, а он уже полковник, не сегодня — завтра начальник дивизии, а там, когда возьмем Вятку, и генерал. Начальник штаба Верховного не прозрачно намекнул об этом, когда говорил с ним по прямому проводу после Пермской победы и награждения его золотым оружием».

Вакин потрепал по шее коня. Конь озирнулся и понимающе мотнул головой.

«Но все-таки Нина Павловна дивно хороша, — продолжал он невольные суждения о ней и переводя коня на шаг. — Хороша, воспитанная, достойного происхождения, приличного поведения. Не чета Зине, машинистке хозяйственной части...».

Сзади раздался топот. Вакин обернулся. Его догнала оперативная часть, во главе с адъютантом и командиром поддерживающего полк артиллерийского дивизиона. Приблизившись к Вакину, Нина Павловна потупила глаза.

Через некоторое время кавалькада подъехала к командному пункту — лесной сторожке. В сенях ее телефонный узел, в самой сторожке свежее сено, складной стол с машинкой, стулья.

Войдя в избу, Вакин развернул карту с нанесенной на ней обстановкой. Нина Павловна села за машинку и стала печатать диктуемый им приказ на ночное наступление. Отпечатав несколько экземпляров, отдала их адъютанту, кроме одного. Тот скрепил приказ подписью и раздал толпившимся у входа связным. Связной полковой разведки, лихой усач, которому не полагалось приказа, получив его тайком из рук Тольской, вскочил на коня и что есть духу погнал к начальнику своему.

Обменявшись после отдачи приказа мнением с тучным артиллерийским подполковником о системе артиллерийского огня в период атаки и повелев присутствовав-

шим ложиться отдохнуть перед боем, Вакин растянулся на сене, на месте убранного ординарцами стола, положив под голову полевую сумку. Тольская свернулась клубочком подле него; за спиной ее разлегся артиллерист, у ног — адъютант, остальные — кто где мог. Ординарцы погасили свечи, притушили «Летучую мышь» и разошлись по углам. В сторожке наступила тишина. Вакин лежал в тишине этой и невольно слушал мерное дыхание покоившейся на боку лицом к нему соседки: она подняла руку, вынула платок. Знакомый запах духов потянулся к Вакину. Он вдохнул его раз, другой, поправил полевую сумку под головой и постарался перевести внимание с девушки на предстоящий через несколько часов бой. Бой этот представляется ему поначалу чем-то неопределенным. Потом, по мере того, как думает он о нем, облекается в артиллерийскую канонаду, пулеметную стрельбу, штыковой удар. На правом фланге происходит заминка, переходящая вскоре в отступление, затем в бегство. Вакин думает, что надо бы подняться, броситься наперерез бегущим и прекратить невиданное доселе позорное явление, но какая-то тяжесть наваливается на грудь ему. Он мечется направо, налево и... просыпается. Избушку наполняет не отзвук боя, а храп тучного артиллериста. Нина Павловна мерно дышет рядом и рука ее лежит на его груди. Он бережно снимает ее.

— Господин полковник! — раздается в дверь голос дежурного. — Два часа.

Вакин вскакивает на ноги и выходит наружу.

У дверей стоит заседланный боевой караковый конь его. Сев в седло, поехал он к реке. За ним последовал адъютант, артиллерийский начальник, ординарцы, конный телефонист с концом телефонного кабеля на катушке. Через несколько минут лес кончился. Впереди развернулось ночное, понижающееся в сторону противника снежное пространство. На пространство это вытягивались из лесу в ночной темноте головы одетых в белые халаты рот. Со стороны противника застрочил один пулемет, второй, третий.

— Что это? — проговорил Вакин, прислушиваясь к

нараставшей стрельбе. — Роты не успели выйти из лесу, а противник повел огонь?

— Открыл движение, господин полковник, — заметил адъютант.

— Странно, — продолжал полковник, беря из рук телефониста трубку. Вызвав по очереди то одного батальонного командира, то другого, убедился, что по всему фронту ночного наступления красные повели интенсивный пулеметный огонь. В воздухе сверкнул и прогрохотал разрывом неприятельский картечный снаряд. За первым второй...

В то время, когда Вакин отъезжал от лесной сторожки, начальник полковой разведки Турбин стоял на берегу Камы и кого-то ждал. В ночной темноте послышалось цоканье по льду реки конских копыт. За цоканьем выплыла из темноты пара всадников.

— Ну? — спросил Турбин коротко переднего.

— Все в аккурат, господин поручик! — отвечал тот.

— Молодцы!

— Служим револю...

— Цыц! Не забываться! Поезжайте той вон дорогой в деревню и ложитесь спать.

По отъезде всадников, с противоположного берега понеслись неясные шорохи. Турбин некоторое время послушал их, потом поднял воротник полушубка, втянул в него голову и пошел в лес.

Маштакову в ту ночь не спалось. В голову лезли непрерывной чередой воспоминания детства. Поворочавшись на скамейке в избе до часу ночи, встал он, сверил по телефону часы и вышел из избы. В темном небе горели и вздрагивали яркие звезды. Одна из них, на которую он, казалось, смотрел, сорвалась с неба и покатилась вниз. Владимир вздрогнул. Бабушка говорила ему в детстве, что падающие звезды суть переселяющиеся в иной мир людские души. За бабушкой вспомнился отец. Отец стоял в то далекое время рядом с ним на сугробе снега, смотрел на небо и говорил, показывая на созвездие Большой Медведицы:

«То вон, паря, Воз».

«Настоящий, тятя?» — спросил Владимир.

«Настоящий, только небесный. А те вон четыре звезды по углам — колеса его; а три, что впереди — конь-от. А у коня того видишь маленькую зорьку сбоку?».

«Вижу».

«То-от Жучка».

«Собачка?».

«Она. И Жучка эта бежит рядом с конем и грызет гуж. И когда перегрызет его, наступит-от конец миру».

«А когда перегрызет она его?» — спросил в трепете Владимир.

«Про то, паря, знает един Господь Бог...».

В сенях раздался зуммер. Владимир вздрогнул и оторвал от Большой Медведицы взор.

— «Ярославль» просит к телефону, — проговорил телефонист, выглядывая из сеней.

Маштаков взял трубку. Батальонный командир напоминал о приближении двух часов. Владимир поднял роту и повел в заданном направлении в наступление. С лежавшего посреди реки небольшого речного островка понеслась вдоль реки фланкирующая пулеметная трель. Люди попадали в снег. Послышались стоны. Маштаков остановился. Вчера посылал он на остров этот разведку и тогда остров не был занят противником. А теперь засада на нем. Что-то ударило в грудь. Владимир пошатнулся и повалился в снег. Очутившись на снегу, поднял тяжелевшие веки. Над ним висит «Воз» с грызущей гуж Жучкой. Воз заслонило лицо отца: родное, близкое и такое доброе. Лицо это растет, ширится, надвигается и обволакивает его, Владимира, широкой бородой...

Рота Дубровина преодолела открытое пространство реки, дружным натиском сбросила противника с возвышенного берега, натолкнулась на сильный вражеский пулеметный огонь и залегла в снегу. Послав донесение батальонному командиру, Дубровин стал ждать поддержки.

Прошло немало времени, а поддержки не было. Красные между тем, стали огибать роту в предутренней мгле и справа и слева. Чтобы не очутиться в окружении, Дуб-

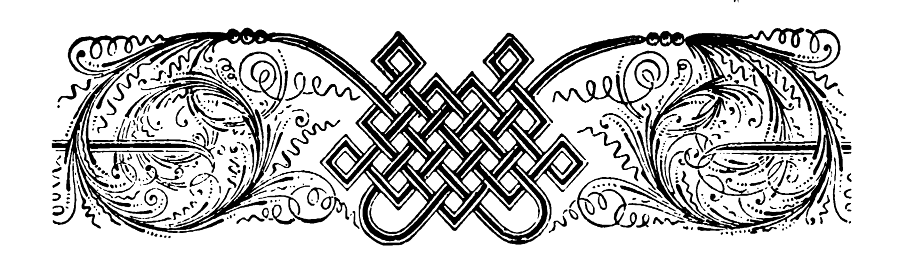
ровин отвел роту с неприятельского берега. Возвратившись на исходные позиции, позвонил Владимиру Маштакову, соседу своему. Телефонист ответил, что рота Маштакова отошла на свои позиции без командира. Сердце Дубровина сжалось. Не долго думая, сдал он роту младшему офицеру, надел белый халат и вышел на берег. Утро только начиналось и первые лучи солнца едва золотили противоположный неприятельский берег. Лежавшая впереди заснеженная Кама изрыта снарядами и исписана пулями. По бело-голубому полю ее разбросаны, как по подолу платья, алые узоры. У небольшого речного островка, лед усеян трупами. «Не там ли и Владимир?» — подумал Дубровин, спустился на лед и пополз между снарядных воронок в направлении лежащих людских тел. С неприятельской стороны застрочил пулемет. Пули зачертили снег вокруг Дубровина. Он забирал руками пространство и полз. Перекинутый на спину наган мотался из стороны в сторону и бил его то по одному боку, то по другому. В рукава, в валенки, за шиворот набивался снег. Вот первый, сложивший на поле брани голову однополчанин. Дубровин глянул в землисто-белое лицо его. Не Владимир. Второй тоже не он. Под прикрытием вывороченной снарядом ледяной глыби приподнялся и огляделся. Владимир лежал в нескольких шагах навзничь, раскинув руки. Алексей двинулся к нему. С неприятельского берега снова застрочил пулемет и спустились и поползли в его сторону несколько красноармейцев. Дубровин припал ко льду. Рота его, заметив трагическое положение командира, поднялась и двинулась на выручку.

Увидев приближавшуюся роту, Дубровин вскочил и бросился на неприятеля. Рота за ним. За ротой Дубровина поднялись и пошли в атаку соседние роты. Завязался ожесточенный, частью рукопашный бой.

После неудачного ночного наступления Вакин возвратился в лесную избушку, сел за стол и стал наносить на карту разведанную в ночном бою систему неприятельской обороны и обдумывать следующую ночную атаку. В разгаре работы доложили ему, что некоторые роты пошли в дневное наступление. Вакин сорвался с места, велел адъю-

танту поднять и послать в атаку остальные роты, а артиллерийскому начальнику обрушиться коротким огневым шквалом на неприятельские позиции, вылетел за дверь, вскочил на первую попавшуюся заседланную лошадь и помчался к реке. По Каме приближались к вражескому берегу плотные солдатские цепи. На противоположном берегу взлетали в воздух от взрывов снарядов крыши крестьянских изб, сараев, амбаров. Вонзив коню в бока шпоры, Вакин вылетел на реку, догнал ближайшую роту, повалился с убитой лошадью на лед, поднялся, принял от подоспевшего вестового полушубок, шапку, револьвер и пошел в общей цепи в атаку на Оханск.

В полдень, сидя на крыльце полуразрушенного снарядом дома, докладывал по телефону начальнику дивизии о взятии приступом города, пленении в нем нескольких сот красных и о преследовании противника в направлении Глазова. Кончив доклад, глянул вдоль улицы. Кварталом выше Дубровин собирал и строил в боевой порядок роту. Вакин бросился к нему, обнял, расцеловал и велел вступать в командование батальоном, вместо убитого капитана Жмырина. Поздравив командира, стал поздравлять с победой и дружески трепать по плечам солдат. Заметив стоявшего в колонне солдата с кровавой повязкой на шее, снял с руки и подал ему собственные золотые часы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Господь Бог, наказывая народ,
отнимает разум у вождей его.
(Слова народной мудрости).

С некоторых пор Дубровин стал замечать большую нерадивость в солдате. Наряжая как-то в разведку унтер-офицера, сына богатого сибирского крестьянина, спросил его, чем может он объяснить это?

— Ухудшением порядков в тылу, господин-от батальонный, — отвечал он, подумав.

Дубровин поднял глаза.

— И тяжестью службы, — продолжал унтер-офицер. — Служба таперича стала не той, что была прежде. Прежде бывало скажет покойный батальонный, царство небесное ему: Солнцев, достань сегодня красного языка! И я доставал. Выходил за линию огня, ко всему прислушивался, приглядывался, выслеживал, подкрадывался и шептал: руки вверх! И язык сдавался. Теперь-от черта с два. Ты ему сдавайся! А он норовит гранату тебе под ноги.

— Да, — проговорил Дубровин.

— Раньше он, краснопузик, только и ждал случая, чтобы сдаться в полон, а нынче сражается, как лев.

— Чем объяснить это?

— Защищает полученную крестьянством-от помещичью землю. Он защищает землю, а мы отбираем ее. Не в Сибири — в ей помещичьих земель, слава Те Господи, нетути, — а на юге России, как пишут красные листовки. И рази это не правда?

Установилось неловкое молчание.

— И другие порядки нынче улучшились у них, — продолжал унтер-офицер через минуту. — Взял какой краснопузик яйцо у бабы — рота платит деньги, стянул где полушубок — начальство отряжает виновного в штрафной батальон. А чтобы тронуть девку какую — ни, ни! Расстрел! А у нас что? Иду давеча по участку соседнего батальона и вижу, как два солдата снимают под присмотром командира роты сапоги с крестьянина.

— Безобразие!

— Истинное безобразие! И не только на фронте, но и в тылу. По тылам разъезжают казаки, грабят и при этом порют нагайками народ. В Сибири, как пишут отцы-от наши, довели народ до того, что он подался в леса и образовал там партизанские фронты. Да, что говорить, господин батальонный! Сами знаете! От того, за что начали воевать, не осталось и следа. Воевать стали не за лучшую Россию, а за помещичью. Я как-то говорю солдату своему перед боем: постоим, братец, за эту лучшую Россию! А он нагибается, поднимает с земли красную листовку и тычет ее мне в нос. Гляжу, а в ней прописано-от где и сколько десятин земли возвращено белым помещикам на юге и сколько постегано при этом мужицких задов.

Настала весна. Выдалась она в этом году затяжной. Снега нападало за зиму столько, что таял он целый месяц. Потом, недели две по балкам клокотала, скатываясь в реки, вода. Военные действия на это время прекратились. В бездействии большевики укреплялись, а Сибирская Армия слабела. Потом, когда кончилась распутица, начала она топтаться на месте, затем пятиться назад. В разгар распутицы к Дубровину зашел как-то фельдфебель бывшей роты его, пожилой человек, георгиевский кавалер еще японской войны. — С разрешения командира роты, — отрапортовал он, стукнув каблуками.

— Садитесь, Иван Дмитриевич! — предложил ему Дубровин из уважения к летам его и заслугам.

— Дозвольте, господин капитан, остаться на ногах.

— В ногах правды нету.

— Осмелюсь доложить, что правда если и есть, то

только в ногах. Когда в девятьсот четвертом году японцы обошли нас на Ляодунском полуострове и справа и слева, только ноги, безотказные ноги мои, спасли меня от постыдного плена, ваше благородие. Дозвольте хоть наедине величать вас сим хорошим титулом.

— Не по уставу это.

— Не по уставу, зато по сердцу. Извините, господин батальонный, за балагурство. Прислал меня к вам ротный не балагурить, а дело доложить.

— Слушаю.

— В последнее время солдаты наши стали получать из деревень нехорошие вести.

— Какие, если не секрет.

— Вести, конечно, пустые, но очень беспокоящие солдат. По одним из них выходит, что предстоящий новый набор в армию нужен, кабыть, не для борьбы с красными, а для продолжения войны с Германией.

— Вот как! А по другим?

— По другим, будто подготовляется к лету изъятие в казну всех деревенских пустопорожних земель.

— Для какой цели?

— Якобы для награждения господ офицеров после победы над красными.

— Вы это серьезно?

— Говорю, что пишут отцы из деревень сыновьям. Можете ваше благородие, почитать. Солдаты просят.

Дубровин взял пропитанную солдатским духом пачку писем и стал читать подчеркнутые в них места. В иных письмах говорилось, что минувшим летом прошли по их пустопорожним землям землемеры и распланировали их на участки по двести, пятьсот, тысячу десятин для раздачи офицерам. В других листах писалось, что землемеры ожидаются предстоящим летом.

Дубровин возвратил письма и не знал, что сказать.

— Вести то может быть пустые, — пришел на выручку фельдфебель, — но они беспокоят солдат. Сибиряцкие семьи — семьи большие, в иных по нескольку парней. Для наделения землей их, когда настанет семье пора делиться, общества и держат пустопорожние земли. И вы

можете, господин батальонный, представить, как волнует это бедных парней?

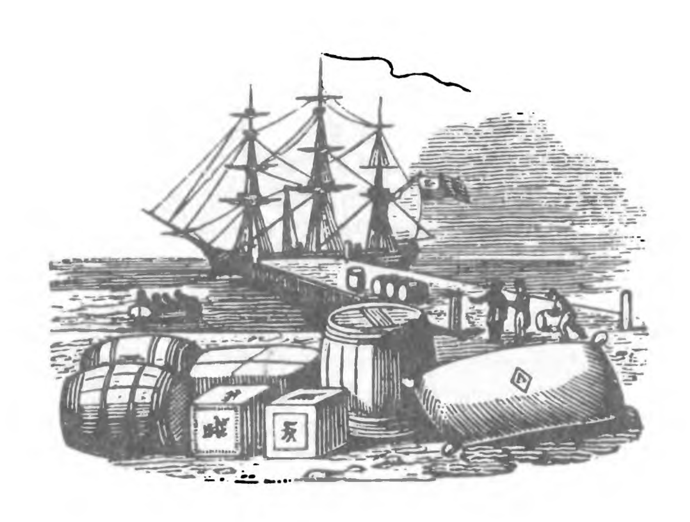
— Да, да, — представляю. Доложу командиру полка.

— Доложите. Пусть даст делу ход.

— До чего распоясались они там, в тылу — заметил Вакин, когда Дубровин изложил ему суть солдатских писем. — Роют и себе и нам могилу. Творимые ими в тылу антинародные дела деморализуют солдата. Между тем, красные сегодня не те, что были вчера. Что ни бой, то и рукопашная, что ни неделя, то и усиление огневой мощи. И чтобы побеждать их, от солдата нашего требуются чрезвычайные напряжения, а он получает от родителей такие вести.

— Может быть ложные, господин полковник?

— Похоже, что не ложные. Слышу о них не впервые. Кстати: роты наши буквально засыпаются красной агитационной литературой. Проводники ее, я убежден, есть у нас в полку. Обратите на это внимание.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

> Все происходит по воле
> великого Зевса-владыки.
>
> Гесиод.

Прошла весна. Прошло и лето. Наступала осень. Обессиленная красной пропагандой и неурядицами в собственном тылу Сибирская Армия отступала вглубь Сибири. По улице тобольской деревни шел в ту пору под вечер скорым шагом поручик Турбин. Поравнявшись с одной из изб на краю деревни, стукнул в ставень ее концом сабли. В окне показалось лицо Тольской.

— Через минуту буду ждать вас в той вон березовой роще, — буркнул Турбин, показывая глазами на лежавший за деревней подернутый осенней желтизной березняк.

— Что случилось? — спросила Нина Павловна, присоединившись к нему на опушке березняка.

— Случилось нечто скверное, дорогая моя, — отвечал он, беря девушку под руку и увлекая вглубь рощи.

— На фронте?

— Нет. У нас с вами. Собственно не у нас, а у меня.

— Не тяните, говорите толком!

— Сегодня ночью арестован разведчик мой с кипой переправляемой в соседний полк пропагандной литературы в переметной суме.

Нина Павловна остановилась.

— Удовлетворены в нетерпении своем?

— Это... Это... Как же?.. — пробормотала она в замешательстве.

— Да вот так.

— Что же теперь делать?

— Подаваться к своим.

— Обоим?

— Одному. Вам пока нету никакой опасности оставаться здесь.

Установилось молчание. Каждый из резидентов взвешивал положение.

— Кто арестовал разведчика? — спросила Нина Павловна, овладев собой.

— Полковой комендант, он же контрразведчик Потапенко. До утра я еще пробуду здесь, если позволят обстоятельства, но без встреч с вами. За мною могут следить. Спрашивайте, что нужно сейчас.

— Задача дальнейшего пребывания моего в полку?

— Все та же.

— Нельзя ли конкретнее?

— Конкретнее — овладеть вниманием полковника Вакина и переориентировать его. В период наступления добиться этого было трудновато, согласен; теперь дело меняется; поражение на фронте не могло не расслабить воли его; мой уход к красным обескуражит его вконец. Тут то вы и должны явиться перед ним в образе утешительницы. И если проявите при этом настойчивость и умение революционерки, Вакин окажется у ваших ног со всей дивизией своей.

— Вы сущий дьявол, Турбин.

— Сейчас, Нина Павловна, не до комплиментов. Слушайте дальше! Сибирская Армия и обессиленная продолжает сковывать на себя еще немалые красные силы; силы эти нужны для ликвидации делающегося опасным для Мировой революции белого гнойника на юге, разгрома панской Польши и активизации коммунистического движения в Германии, Австрии, Италии и во всем мире.

Карие глаза Тольской блеснули.

— Я только что упомянул о дивизии — продолжал Турбин. — Вакин назначен начальником ее.

— Да? — приятно удивилась разведчица.

— И если вам, — втолковывал в сознание ее Турбин,

— удастся вызвать дивизию его на восстание или хотя бы на какой-либо путч, вы значительно ослабите Сибирскую Армию и тем продвинете дело Мировой революции на шаг вперед. Данных к тому, что дивизия эта может пойти на удочку много. Тут и результаты пропаганды нашей, и неудачи на фронте, и неурядицы в тылу, и недовольство неурядицами фронтовиков, и честолюбие нового начальника дивизии. Когда приблизитесь к нему, развивайте перед ним в первую очередь два последних тезиса. Твердите и денно и нощно, что все белые беды на фронте и в тылу проистекают не от чего-либо, а от неспособности верховной власти вести войну и организовать победу. Одновременно с этим выпячивайте наружу собственные Вакинские достоинства и как военачальника, и как уловителя людских сердец. Он честолюбив и будет с охотой слушать похвалу себе из ваших прекрасных уст.

— Снова фамильярность.

— Без нее, милая моя, выходит скучноватый разговор. Ну, вот! Здесь постарался я набросать общие места поведения вашего по овладению Вакиным и дивизией его. Частности изобретите сами. Голова у вас на плечах, при том прелестных, не пустая. Связь держите, пока что с Омском, потом с Ново-Николаевском. Адреса известны вам. Больше оставаться с вами не могу ни минуты. До свидания! И не где-нибудь, а на Красной площади в Москве! Да здравствует Мировая революция!

В тот же день Вакин вступил в начальствование над дивизией. В штаб дивизии перетянул он поручика Обриса, а сей последний — Нину Павловну. На следующее утро Тольская, выйдя в коридор гостиницы, в которой помещался штаб дивизии, встретила поручика Обриса.

— Слыхали новость? — спросил он девушку.

Нина Павловна похолодела.

— Турбин ушел к красным, — продолжал Обрис.

— Вот как! — воскликнула Тольская с облегчением.

— И увел с собой всю конную разведку, — разглагольствовал поручик. — Иду доложить о прискорбном событии этом начальнику дивизии.

Несколько позже тот же Обрис рассказал Нине Пав-

ловне, что в ночь ухода к красным конной разведки, в татарском селении задушен в постели полковой комендант Потапенко, убит ударом ножа в спину часовой, похищен содержавшийся под стражей схваченный с кипой советской литературы конный разведчик.

События эти свалились на Вакина, как снег на голову. Потом, когда разрослись они до признания дивизии его неблагонадежной, снятия ее с фронта и отправки в тыл, под предлогом организации на линии Иртыша оборонительного рубежа — Вакин пришел в бешенство.

— Как! — выкрикивал он, шагая перед доверенным адъютантом Обрисом по салон-вагону. — Мое детище — полк, моя дивизия небоеспособны? Абсурд! И полк, и дивизия не хуже других, а лучше! Ну ушел к неприятелю взвод, ну убил там кто-то и кого-то. Так что ж из этого! В южной армии ушел к врагу целый полк, но шума вокруг него не было поднято такого, как вокруг взвода моего! И весь шум этот учинили недруги и завистники мои в штабе армии! И когда учинили! Когда получил я дивизию и вышел на дорогу полководца!.. Ступайте и добивайтесь прямой связи с Верховным Правителем!

Обрис ушел. Вакин скрипнул зубами и глянул в окно. Эшелон стоял на небольшом полустанке. Постояв какое-то время, двинулся и пополз медленно на восток.

— Год тому назад, — продолжал Вакин негодовать, — когда вел я полк на фронт, такие полустанки, как только что оставленный, мелькали мимо, как мелькают сейчас телеграфные столбы!

Сев на диван, стал прислушиваться к стуку вагонных колес.

— Какой унылый стук и как медленно ползет эшелон! — продолжал рассуждения. — Если так будут продвигаться эшелоны и дальше, то вряд ли можно рассчитывать оторваться от наседающего противника и организовать оборону на Иртыше!

Подошел к висевшей на стене карте, ориентировался и пришел к выводу, что на продвижение дивизии той же скоростью, что и сейчас к Иртышу, понадобится по меньшей мере недели две. Красные тем временем форсируют

Тобол и устремятся на столицу Сибири.

В дверь раздался стук, в кабинет вошел шифровальщик с расшифрованным указом Верховного Правителя. Вакин взял в руки указ. В нем извещение о переводе правительства из Омска в Иркутск. По уходе шифровальщика появился Обрис.

— Добились чего-нибудь? — встретил его вопросом Вакин.

— Пока нет. Говорят Верховный Правитель занят и уделить вам не может ни минуты.

— Когда будет дивизия в Омске?

— Надобно полагать не скоро. В Омске сходятся пути эвакуации с двух направлений...

— Истина, не требующая пояснений. Прикажите на первой же остановке спустить с платформы грузовик и снабдить бензином. Поеду в Омск.

И вот, сидит он в кабине грузовика, рядом с шофером и едет куда задумал. Вестовой и ординарцы трясутся в кузове. Осень шла к тому времени уже полным ходом. На землю падал мелкий, надоедливый дождь. Автомобиль, прыгая с выбоины в выбоину Сибирского тракта, двигался на восток. По тракту тянулись в том же направлении обозы, плелись люди, перемежались острожные городки, татарские селения, украинские деревни. Между ними простиралась в сетке дождя однообразная бурая равнина, тянулись обочь железнодорожные станции. Эшелоны накапливались перед ними на версты.

Настала ночь. В каком-то малорусском селении остановились передохнуть.

— Тетка, а тетка! — обратился к хозяйке избы вестовой Вакина.

— Чого тоби, хлопче! — отозвалась она.

— Не продашь ли чего поесть?

— Дэ там поесть! Пойлы всэ попэрэдни.

На третий день автомобиль въехал в Омск. Город эвакуировался. По улицам грохотали грузовики, цокали кованными копытами по булыжным мостовым мохнатоногие ломовики, трусили рысцой груженые чемоданами, узлами, самоварами извозчики. Вакин подъехал к зданию

штаба, вошел в него и пошагал по коридору в управление дежурного генерала. Снаружи доносился стук. Вакин глянул в окно. Посреди двора стояли и грузились ящиками, столами автомобили.

Дежурного генерала в управлении не оказалось. Принял Вакина какой-то штабной подполковник, вежливо, но без особого внимания выслушал соображения его об организации обороны города, пообещал доложить кому следует и ускорить продвижение дивизии. На вопрос, мог ли бы он, Вакин, и где иметь аудиенцию у Верховного Правителя, получил совет обратиться в Правительственную Канцелярию. В Правительственной Канцелярии, куда пошел Вакин на следующий день, ответили, что военных Верховный Правитель принимает в штабе. Убив на хождение из штаба в Правительственную Канцелярию и оттуда в штаб два дня и ничего не добившись, поехал он вдоль Иртыша познакомиться с мерами по обороне города. На берегу Иртыша было тихо и спокойно, как в мирную теплую майскую ночь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

> Счастлив тот, чей дом украшен
> Скромной верностью жены.
>
> В. А. Жуковский.

На третий день стали подходить на станцию Омск эшелоны полков Вакина. В поездке по штабам и правительственным учреждениям убедился он, что сколько-нибудь значительные чины штаба и правительства покинули уже город, что оборонять столицу Сибири сколько-нибудь серьезно никто не собирался и что управление войсками штабом уже утеряно.

Поздно вечером того же дня Вакин сидел на диване салон-вагона своего и смотрел на висевшую на стене десятиверстную карту. К его плечу жалась, подобрав ноги, Нина Павловна.

— Какой ты, Вадик, нехороший, — говорила она, глядя в глаза ему.

— И такого нехорошего люблю я больше всего на свете.

Полковник одной рукой обхватил плечи девушки, другую положил на гладко причесанную голову ее.

— Устал, милый, в поездке по городу? — продолжала Тольская.

— Устал.

— И без толку?

— Толк получился, но не тот, которого добивался.

Нина Павловна плотнее прижалась к собеседнику.

— Убедился, — продолжал Вакин, — в ничтожности тех, кто призван распоряжаться судьбами нашими. При

первых неудачах на фронте все они потеряли головы и бежали к Байкалу, а может быть и за него, бросив фронт на произвол судьбы.

— Представь себе, Вадик, — подхватила Тольская, кладя голову Вакину на плечо, — и у меня сложилось на этот счет такое же впечатление после поездки в город.

На следующий день в кабинет Вакина вошел поручик Обрис.

— С чем? — спросил его коротко Вакин.

— С распоряжением штаба о продвижении дивизии вглубь Сибири.

— Куда именно?

— В депеше не говорится об этом. На мой запрос управление дежурного генерала ответило, что последует дополнительное распоряжение.

Вакин поднялся, взял из рук Обриса расшифрованную телеграмму, пробежал ее глазами, скомкал и бросил в корзинку. Получив дивизию, рвался он в бой попробовать искусства вождения полков, а чья-то злая воля отодвигала полки его куда-то в тыл.

К вечеру часть собравшихся на станции эшелонов дивизии начала отходить дальше на восток. Движение и здесь шло медленно, несмотря на двухколейный путь. Следующий рубеж, за который можно было бы зацепиться и организовать оборону — река Обь — отстоял от Иртыша верст на семьсот.

Отход дивизии вглубь Сибири длился три недели. Встречного движения к тому времени по Транссибирскому железнодорожному пути не было уже. Воинские, интендантские и гражданские эшелоны ползли на восток по правому пути. По левому неслись в том же направлении поезда правительственные, иностранные, чешские.

Вакин, привыкший на фронте вставать рано, не изменил привычке и в вагоне. Встав чем свет, раздвинул шторы спальни. За окном снег. Первый снег в этом году. Эшелон стоит где-то в степи. За рядами телеграфной проволоки уходит в пасмурную даль белая равнина. С северовостока дует и порошит сухим снегом в окно ветер.

«Вот и зима пришла», — подумал Вакин, отвернулся

от окна и, взяв с ночного столика приготовленную вчера начальником снабжения сводку материального обеспечения дивизии, стал читать ее. В Омске получено зимнего обмундирования на полный состав дивизии. С боевыми припасами, инженерным имуществом, снаряжением, медикаментами также благополучно. Ознакомившись со сводкой, подумал, что зимнее обмундирование можно было бы и выдать уже солдатам, да они сильно завшивели в дороге по донесениям командиров полков. Привезу вот в Ново-Николаевск, помою, почищу и...

В задрапированную занавесью смежную с соседним купе дверь раздался осторожный стук.

Вакин поднял голову.

Из-за раздвинувшейся тяжелой портьеры показалась Нина Павловна. На ней утренний фланелевый капотик, на шее нитка жемчуга, на маленьких ножках меховые туфельки.

Вакин поднялся и поцеловал протянутую гостьей ручку. Тольская коснулась свежими губами красного лба его.

— Сводка материального обеспечения? — проговорила она, глядя на находившийся в руках Вакина лист бумаги.

— Сводка. Материальными ресурсами полны эшелоны дивизии, полны ими и тыловые склады. Вчера получил из Ново-Николаевска телеграфное донесение от отбывшего туда с правительственным поездом начальника квартирьеров. И там обилие и боевых припасов, и обмундирования, и продовольствия, и топлива, и людского материала, и всего прочего, что необходимо для организации обороны. Хочешь почитать расшифрованный приказ Верховного Правителя?

— О чем?

— О назначении меня, как говорил я уже, начальником Новониколаевского Района обороны.

Нина Павловна взяла в руки лист.

— О! — воскликнула глянув в него. — В приказе не только назначение на высокую должность, но и производство в генералы, подчинение всех находящихся в райо-

не обороны частей, и предоставление права соединения их в дивизии...

Нина Павловна развела руками и бросилась на шею новоиспеченному генералу.

— Поздравляю, поздравляю! — заговорила она, разжимая руки. — Только знаешь что?

— Что?

— Обманут они тебя.

— Кто обманет? Как обманет?

— Тот, кто изготовил приказ этот.

Вакин расширил глаза.

— Обманули же в Омске.

— Да-а.

— Обманут и в Ново- Николаевске. Отдадут выгодный для обороны район этот не тебе, а какому-нибудь генералу-старичку.

— О чем-то подобном доносит и мой квартирьер.

— И не удивительно. Верховный Правитель потерял голову, а окружающая его свита борется: кому поручить пост по сути главнокомандующего — тебе ли молодому и прогрессивному военачальнику или какому-нибудь подагрику физическому и политическому. И поверь мне, восторжествует подагрическая линия. О чем именно доносит квартирьер?

— О том, что в Ново-Николаевске объявился в роли начальника обороны генерал Семенов. И что генерал этот ждет меня.

— Еще бы не объявиться? В неразберихе этой объявится их не один. Говорила я тебе вчера, говорю и сегодня: получи район этот не из чьих-либо рук, а из своих собственных.

— Думал об этом минувшей ночью.

— И что?

— Этика не позволяет.

— Э-ти-ка! — проговорила с расстановкой Тольская, поднявшись. — Вот когда тебя, милый мой, и меня вместе с тобой красные поставят, как говорят теперь, к стенке из-за неспособности старичков к организации обороны...

— Тебя то за что?

— За то, что люблю тебя такого талантливого, но нерешительного, больше самой себя, матери своей.

Нина Павловна обернулась к Вакину, взяла его точеными руками за плечи и глянула в глаза.

Вакин затрепетал, опустился на колени, обхватил стан девушки руками и зашептал:

— Да, да, Нинуся! Ты права. Чувствую, что настает пора, когда старые этические нормы делаются стеснительными.

— Не только стеснительными, но и вредными, — подхватила Тольская, подняв Вакина и усадив на диван.

— Сегодня обо всем этом подумаю, — продолжал он. — И до чего-нибудь путного додумаюсь.

—Взгляни вот на карту! — воскликнула искусительница, вскакивая с дивана и увлекая за собой генерала к висевшему на стене планшету Новониколаевского района. — Город, оборону которого ты должен взять в свои руки, — продолжала она, водя пальцем по карте, как заправский генштабист, — узел и железнодорожных и водных путей. От него идут дороги на восток, на юг и на север. И если узел сей захватить и укрепить, то ни один красный не прорвется ни в восточную Сибирь, ни на Алтай, ни на север. А разве старички-генералы способны организовать оборону этого важного стратегического узла?

— Организовать оборону в этих условиях они пожалуй не смогут, но учредить несусветную интригу не преминут.

— Тебе ли, герою Перми, Оханска, Чусовских Городков, любимцу готовой пойти за тобою в огонь и воду дивизии бояться этого! Для того, чтобы подчинить себе прозябающих в городе стареньких генералов достаточно хорошенько прикрикнуть на них и в нужном случае показать пулеметы. И настоять на своем. И если ты настоишь, явишься Пожарским наших дней. Ты — Пожарским, а я при тебе маленьким Мининым и мы...

Скрипнула отделявшая половину вагона Вакина от остальной части дверь и по устланному ковровой дорожкой коридору зазвенели шпоры.

Тольская притихла, приложила ладони к пылавшим румянцем щекам и глянула на Вакина большими карими глазами. Была она в это время дивно хороша. Вакин смотрел на нее и думал, как она хороша. Хороша и права. Захватить власть в свои руки в районе надобно будет.

Поднявшись и поцеловав у наставницы руку, Вакин накинул поверх вязаного свитера китель с припасенными заранее генеральскими погонами и вышел в кабинет.

Нина Павловна, оставшись одна, подобрала на диван ноги и задумалась о том, как может вмещать в себя сердце ее и горячую любовь к человеку и коварную игру судьбой человека этого.

По коридору вагона прозвенели шпоры.

«Нет! — продолжала она думать, когда звон шпор стих за наружной дверью. — Покончу с недостойной любящего сердца игрой, брошу все, разубежу Вадика в том, в чем убеждала, увезу в Японию, где сохранились от расхищения кредиторов некоторые отцовские средства и заживу своим домком».

Через сетку опущенных густых ресниц Нины Павловны сверкнули стальным блеском серые, неподвижные глаза Турбина. Сверкнули и заговорили:

«Любишь генерала своего больше всего на свете? Больше Мировой революции? Бросишь в угоду ему революцию?..».

Серые глаза мигнули тяжелыми веками и стушевались в широкой бороде Карла Маркса. Нина Павловна вздрогнула, поднялась и выпрямилась.

— Да! — прошептала она, проводя рукой по глазам. — Его люблю я больше всего на свете; больше всего на свете, но не больше Мировой революции. Ради революции этой, ради блага рабочего класса, обездоленного крестьянства я пожертвую и своей любовью, и любимым человеком, и всем прочим, что станет на пути к ней, революции этой.

Шагнув к потайной двери в стене и глянув по пути бесстрастным взором на стоявший на столике портрет Вакина, раздвинула портьеру и скрылась за нею.

Вакин, оставив Тольскую, встретил в кабинете принесшего почту юного щеголеватого адъютантика. Адъютант, увидев начальника в генеральских погонах, звякнул шпорами и вытянулся. Генерал поздоровался, принял почту, велел никого без особой надобности не пускать к нему, сел за стол и стал переглядывать телеграммы командиров полков, извещавших сколько и где дезертировало солдат и сколько принято вместо них от воинских начальников пополнения. Баланс получался активным: численность личного состава приближалась к штатной. Переглядев рапорта, принялся просматривать телеграфную сводку начальника разведывательной службы штаба о фронтовых событиях вчерашнего дня. Фронта в общепринятом понимании к тому времени не существовало уже и бои велись с неприятелем на линии Иртыша отдельными войсковыми группами; группы эти быстро откатывались на восток и месяца через полтора будут у Оби, если не растают раньше. Между тем, Иркутское или другое какое-либо правительство, не подавало никаких признаков жизни. Молчал и штаб.

Прочитав сводку, Вакин перешел на диван и стал думать о Нине Павловне, о любви ее к нему, о хаотическом состоянии фронта и о том, что надобно будет, когда дивизия сосредоточится в Ново-Николаевске, забрать власть в свои руки, дать отпор выдвинувшемуся далеко вперед врагу, пересидеть на линии Оби зиму, сформировать к весне новую армию, повести иную внутреннюю политику и перейти весной в наступление. К тому времени русский народ познает большевиков и станет лучше понимать и ценить нас... А как же с Верховным Правителем, с правительством его? Оно ведь где-то существует?.. Его, правительство, надобно будет расформировать, выгнать реакционеров, очистить вокруг Верховного Правителя политическую атмосферу.

Вакин встал, прошелся по кабинету, глянул в окно; за ним бушевал буран. Он снова сел, погладил рукой темнорусую бородку и вспомнил Нину Павловну. «Потом, когда успешно кончится война, — продолжал думать, — жениться на ней».

Вестовой принес обед. Вакин пообедал и снова принялся строить воздушные за́мки. Промечтав о государственных и матримониальных делах до сумерок, вызвал адъютанта и осведомившись у него, не ждет ли что срочное, перешел в салон. К тому времени Нина Павловна возвратилась уже из канцелярии и ждала его в прелестном вечернем туалетике.

— Знаешь, что, Нинуся? — обратился он к ней, переступив порог салона и взяв за руки. — Когда кончится гражданская война поженимся.

Девушка вздрогнула. До этого в разговорах их матримониальных тем не возникало.

— Поженимся и заживем тихой семейной жизнью, — продолжал рассуждения счастливый генерал. — А осупружившись, начнем обзаводиться детками; сначала мальчиком, потом девочкой. Мальчика назовем Павликом, в память дедушки, а девочку в твою честь — Ниной. Затем, когда маленькая Нинуся наша подрастет, станет она похожей на тебя...

Нина Павловна уронила голову Вакину на грудь и зарыдала.

— О! — удивился размечтавшийся папаша, поднимая голову ее и заглядывая в лицо. — С чего это?

— Со счастья, — пролепетала, продолжая заливаться слезами невеста. — Со счастья, которого я, Вадик, недостойна... Очень и очень недостойна...

— Полно, милая моя, — утешал ее Вакин. — Ты достойнейшая из всех девушек на свете.

Встревоженный жених усадил девушку на диван, бросился перед нею на колени и стал покрывать руки поцелуями...

Через несколько дней дивизия стала сосредоточиваться на станции Ново-Николаевск и размещаться на наскоро проложенных квартирьерами запасных путях. Найти помещение в переполненном остатками разбитых на фронте частей и беженцами городе, удалось только для двух полков.

Возложив в Ново-Николаевске начальствование над

дивизией на полковника Иловского, Вакин занялся сведением квартировавших в Красных Казармах в Закаменской части разрозненных частей, в дивизии, созданием штаба корпуса, с вожделением переформировать его потом в штаб армии, рекогносцировкой местности, рытьем окопов, строительством блиндажей, общей организацией обороны.

Весть о том, что в городе появился молодой и энергичный, занимающийся делом обороны, а не разговорами, генерал быстро разнеслась по городу и к Вакину потянулись со всех сторон командиры болтавшихся в районе остатков воинских частей, отдельные офицеры, даже генштабисты; уездный воинский начальник толпами погнал выписывавшихся из госпиталей и отбившихся от частей рядовых.

В разгар сей деятельности его раздался телефонный звонок городской сети. Вакин поднял трубку. Приглашал на доклад назвавшийся начальником Новониколаевского Района обороны генерал-лейтенант Семенов. Вакин вспомнил донесение офицера связи, сел в автомобиль и поехал по вызову.

— Доложите, господин генерал-майор, — начал генерал Семенов, поздоровавшись, — чем занимаетесь в моем районе обороны?

Вакин доложил.

— На каком основании?

— На основании приказа Верховного Главнокомандующего, — ответил Вакин и положил генералу на стол копию нужного приказа.

— Устарел он. Приказ ваш датирован третьим числом, а мой — пятым — днем проезда здесь Верховного Правителя. И приказом этим начальником обороны Новониколаевского Района назначен я.

— Почему же вы, ваше превосходительство, не выполняете приказа этого?

— Потрудитесь, милостивый государь, не рассуждать, подчиняться директивам моим, заниматься своей дивизией и ждать приказаний. Между прочим, почему на вас

генеральские погоны? Насколько я помню были вы полковником?

Вакин поднялся, звякнул шпорами и оставил генеральский кабинет, не став доказывать прав своих на генеральские погоны.

По возвращении в вагон, получил извещение о новом вызове на доклад, на этот раз к какому-то артиллерийскому генералу. Вакин поехал и к нему.

— Говорите были у генерала Семенова? — спросил дребезжащим голосом старичок-генерал. — Напрасно. Сей «начальник обороны» не имеет за собой ничего, кроме штаба да комендантского батальона.

— А вы, господин генерал, позвольте спросить? — проговорил Вакин.

— Я, господин... э-э..., — он вздел пенсне на нос, разглядел погоны и продолжал, — господин генерал-майор, имею в распоряжении своем... э-э... два артиллерийских полка. Кроме того, являюсь старше вас и генерала Семенова в чине. И... э-э... прерогативы власти в гарнизоне, при молчании штаба Верховного, принадлежат мне.

Вакин звякнул и ему шпорами.

В качестве третьего претендента на власть объявился казачий генерал. К нему Вакин уже не поехал.

С наличием претендентов на власть в городе Вакин решил было мириться, поскольку не мешали они делу, но начальник снабжения одной из формируемых дивизий, поехав в интендантство за обмундированием для нее, получил от распоряжавшегося складами генерала Семенова отказ. Вакин поговорил с генералом по телефону и выяснил, что рассчитывать на снабжение новых формирований, как не штатных, он, Вакин, не может. В таком же положении формирования эти оказывались и в отношении прочих видов довольствования.

Другой дезорганизующей силой в гарнизоне являлись казаки. Квартировавшая в городе казачья бригада, захватив в распоряжение свое огромные резервуары спирта на берегу Оби, пьянствовала, бесчинствовала и не признавала начальством ни генерала Семенова, ни артиллерийского генерала, ни Вакина.

Имея такое положение в гарнизоне и приближение ничем не сдерживаемого противника к Оби, Вакин вызвал к себе в штаб командиров частей старой дивизии, информировал их о положении дела и изложил план оздоровления военного управления в районе. Командиры полков признали положение и в городе и на фронте угрожающим, но санкционировать захвата Вакиным власти воздержались. Вакин распустил их, сместил полковника Иловского с должности начальника дивизии, назначил на его место единомышленника своего, подполковника Козлова и приказал ему позвать в железнодорожное училище офицеров собственного его, Вакина, полка. На собрании Вакин произнес горячую патриотическую речь, воодушевил присутствовавших, назначил на завтра смотр полку и уехал с собрания героем. На смотру полк молодцевато прошел церемониальным маршем перед генералом и выстроился в каре, лицом к кумиру. Вакин и в обращении к полку произнес горячую речь. В ответ на нее полк дружно прокричал ура и, в нарушение дисциплины, подхватил его на руки.

Вечером, сидя в салоне вагона своего, в обществе Тольской и слушая милую ее похвалу речи его, Вакин обдумывал план ареста мешавших делу организации обороны города генералов. Живя с Ниной Павловной бок о бок уже продолжительное время, не вызывал он на свой счет никаких сплетен. Принимал их на себя влюбленный в девушку и живший в том же вагоне, как адъютант Вакина, поручик Обрис. Последний сей, так же как и другие, пребывал некоторое время в неведении истинных отношений предмета любви своей к Вакину. Потом стала смущать его постоянная ночная тишина в купе той, которую считал он, хотя и без основания, невестой своей. Чтобы рассеять подозрение, Обрис как то, когда в купе Тольской воцарилась тишина, легонько постучал к ней. Нина Павловна оказалась в купе, но приоткрыла дверь после большой паузы. Обрис, сославшись на болезнь и спросив нет ли у девушки аспирина, ретировался. То обстоятельство, что девушка открыла дверь не сразу усилило ревность влюбленного. Подозрительность его питалась еще и тем

обстоятельством, что купе девушки примыкало стеной к салону Вакина. Стареющий ревнивец пытался несколько раз проникнуть в купе Тольской и обследовать его, не связано ли оно дверью с жилищем Вакина, но всякий раз ему кто-либо мешал. Но вот Нина Павловна отправилась со всем вагоном на смотр полка. Ревнивец, сказавшись больным, остался в вагоне, открыл отмычкой купе предмета вожделения, обшарил его и нашел в нем задрапированную портьерой ведущую в спальню Вакина дверь.

Какая поднялась в сердце ревнивца буря, понять нетрудно. Поначалу бросился было он к лошади, чтобы поехать на парад и убить там соперника. Но тут встал вопрос, а может быть, начальник его и не пользуется обнаруженной дверью? Как убедиться? Проследить.

Придя к такому решению, Обрис взобрался на чурбак после возвращения Вакина с парада, прильнул к окну салона его и увидел в щель портьеры сидевшего рядом с Ниной Павловной на диване и слушавшего болтовню ее счастливого соперника.

Убедившись в реальности подозрения, Обрис стал обдумывать устранение его с пути.

В ходе подготовки к захвату власти в городе, к заговору примкнул еще один полк старой дивизии. После восторженной встречи Вакина на смотру, в заговор вошли и остальные полки, что уже обеспечивало полный успех операции. Следовало только провести ее с наименьшим шумом.

Обсудив план действия лично, Вакин обсудил его и с командирами полков. На совещании с ними решено было выделить для проведения операции два квартировавшие в городе полка. При этом, основную операцию поручить провести полку Вакина, под личным его командованием; в операцию эту входило занятие штаба генерала Семенова, арест его самого, оккупация телеграфа, складов. Второму полку надлежало разоружить пьяную казачью бригаду и арестовать генерала ее. Остальные полки предположено вывести из вагонов, привести в боевую готовность и держать в резерве. Артиллерийского генерала решено не трогать, в расчете, что артиллерия его при-

годится при обороне района от красных.

Тольская была, разумеется, в курсе Вакинских дел и предположений и стала с некоторых пор подумывать не слишком ли густую заварила кашу для революции. Она никак не ожидала, что Вакин в состоянии будет в столь короткий срок поднять на защиту гибнущего белого дела столько людей, а в городе окажется столько оружия и прочих материальных средств. Поэтому стала она раскидывать умом, как свести акцию его только к путчу и гибели дивизии.

Настала назначенная для осуществления плана ночь. Вакин вызвал с вечера доверенного адъютанта Обриса, вручил ему напечатанный Ниной Павловной план операции и велел лично развести после двенадцати часов ночи командирам квартировавших в городе полков. Отдав распоряжение, пошел в спальню.

По выходе Обриса из кабинета Вакина, Тольская проскользнула в коридор, схватила его за руку и ввела в купе свое. Очутившись в нем, Обрис вытаращил в полумраке глаза. Потом прошипел:

— Изменница!

— Поневоле..., — зашептала Тольская. — По принуждению того, кого ненавижу всею душою своею...

Глаза Обриса превратились из круглых в продолговатые и замаслились.

— Ненавижу, — продолжала Тольская, — и не знаю, как избавиться от него. Теперь, кажется, появляется к тому возможность...

— Какая?

— Переправить в плане операции время явки полков на сборный пункт с шести часов утра на семь и в таком виде отправить его в полки и обо всем затеянном не преминуть довести до сведения казачьего генерала.

Обрис хлопнул себя по лбу.

— Ступайте и действуйте, милый мой! Только осторожно и аккуратно!

Обезумевший от счастья поручик потянулся поцеловать девушку. Та увернулась.

— Почему? — прохрипел он.

— Не время, дорогой, — отвечала она, выталкивая его в коридор.

Вооруженный идеей и надеждой Обрис прокрался в штабной вагон, зажег в служебном купе своем свет, принес машинку, вооружился резинкой и за полчаса претворил чужую идею в жизнь. Совершив иудино дело, сел на лошадь и поехал развозить фальсифицированный план. По вручении его командирам полков, заехал в штаб казачьей бригады, разбудил пьяного генерала, довел до его сведения о замышленном захвате власти Вакиным и об устроенной западне ему.

В положенное время Вакин проснулся и зажег свет. Было пять часов. «Пора» — подумал он, поднялся, оделся, вызвал по телефону Обриса и справился в точности ли тот выполнил поручение?

— В точности, господин генерал, — отвечал Обрис.

— Велите подавать коня.

В спальню Вакина вошла потайной дверью Тольская и повисла на шее у него.

— Мне пора, — проговорил он, глядя на часы и высвобождаясь из объятий. Надев шинель с бобровым воротником и меховую шапку под цвет воротника, опоясавшись ремнем с револьвером и разгладив бороду, вышел из вагона.

На площадке вестовой держал перед вагоном под узцы каракового жеребца. Завидев хозяина, застоявшийся в безделье жеребец забил копытом землю. Вакин вскочил в седло и глянул на окно вагона. Стоявшая у него Тольская помахала рукой. Морозный снег захрустел под копытами его. Ординарцы выстроились по два в ряд и поехали за генералом. Рассвет еще не начинался. В Привокзальной части стояла немая тишина. На землю ложились редкие пушистые снежинки. Во дворе какой-то железнодорожницы запел петух. Через минуту площадь — сборный пункт полков. Вакин, выехав на площадь, сошел с коня. Ближайший ординарец подхватил повод.

«Что бы это значило? — подумал он. — Пять минут седьмого, а на площади ни командиров, ни полков их.

На одной из улиц показалась конная колонна. Через минуту войсками наполнились и остальные улицы. Послышалась казачья команда. Вакин огляделся. Со всех улиц выходили на площадь с короткими винтовками наизготовку, с саблями в руках казаки. Вынув кольт и оттянув затвор, Вакин выстрелил себе в висок. Стоявшие вблизи ординарцы подхватили на руки падающее тело и скрылись с ним в проломе соседней стены.

Проводив Вакина, Нина Павловна некоторое время оставалась в вагоне. Потом надела шубку, шапочку, ботики, взяла меховую муфту и вышла наружу. На дворе окутала ее предрассветная мгла. Сунув руку в муфту и передернув зябко плечами, пошла в сторону куда поехал Вакин. Из-за железнодорожного пакгауза вывернула с ношей на руках процессия. Обогнув пакгауз, процессия остановилась и опустила ношу на снег. Тольская бросилась вперед. На снегу бездыханное тело Вакина. Девушка упала на колени, обхватила его руками, замерла. Снежная пороша усиливалась и убеляла спину ее, выбившиеся из под шапочки волосы.

— Понесем дальше, — проговорил один из ординарцев.

— Понести бы можно, да видишь, как убивается, сердешная, — отвечал другой.

— Нагрянут казаки, тогда будет тебе «сердешная», — заметил третий.

— Сюда не нагрянут, не посмеют.

— Тебя побоятся. Поспешим, чтобы затемно схоронить куда-нибудь тело и бежать. Полки, говорят, начали разбегаться уже.

Прорвав утреннюю мглу, появился Обрис и спросил толпившихся вокруг тела Вакина ординарцев, что случилось?

— Да видите, господин поручик, — отвечал старший.

— Генерал?

— Он, царство ему небесное.

— А с ним кто? — Разглядев Нину Павловну, отшатнулся. Потом подошел к ней, дотронулся до плеча и проговорил:

— Нина Павловна! А, Нина Павловна! Послушайте разумного совета. Встаньте!

Девушка, омыв сердце слезами, поднялась.

— Пойдемте, голубушка, отсюда, — продолжал Обрис. — Труп, вы в таком виде, близость казаков, извольте в вагон! — говорил он, беря девушку под руку.

Тольская оттолкнула его, снова упала на колени, поцеловала еще теплую руку Вакина, поднялась, переступила через труп и пошла прочь.

— Нина Павловна! — лепетал, догоняя ее Обрис. — Куда вы? Одна. В незнакомом городе. В такую пору. Остановитесь! Я все прощу и забуду. К тому же я богатый человек. В Риге имею несколько больших гостиниц.

Тольская равнодушно глянула на него и пошла своdорогой.

Неудавшаяся попытка Вакина захватить в городе власть стоила жизни не только ему, но и десяткам двум других офицеров, попавших в руки вылезшего на казацких клинках на вершину власти генерала Семенова. Среди погибших на виселице оказался и адъютант Вакина, поручик Обрис.

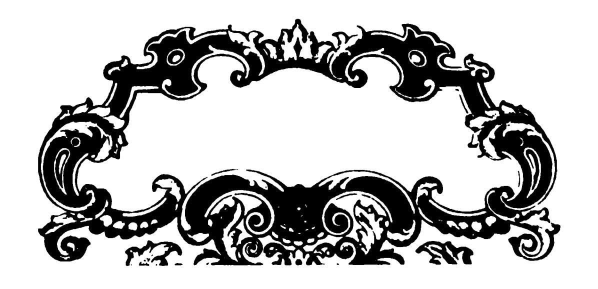
А по какой причине оказался на виселице и этот, хитроумный рыцарь бога Эрота?

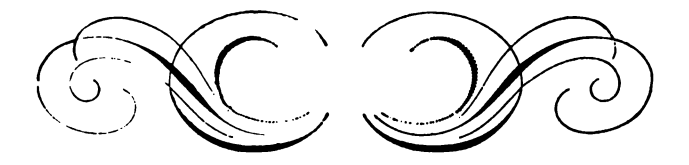
Очевидно по той, что донес одному генералу, а в руки попал другого — Семенова. И сей, последний, наградил его за усердие пеньковым галстуком.

Остальной начальствующий состав дивизии не стал ждать расправы над собой и подался кто куда. Брошенные на произвол судьбы солдаты, в большинстве жители Западной Сибири, разошлись по домам.

•

Дубровин не ввязался в путч сей лишь потому, что находился в это время в рекогносцировке местности вдалеке от города.

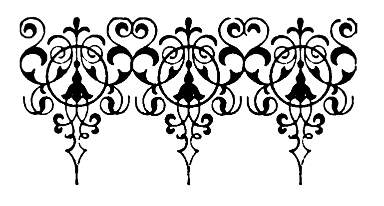

ИСПОВЕДЬ РАЗВЕДЧИЦЫ

Мне отмщение,
Аз воздам —
глаголет Господь.

Ап. Павел, рим. 12:19.

Гражданская война в России давно отшумела, а террор в ней продолжался. Правда, с некоторыми колебаниями, то в сторону послабления режима, то усиления его. Алексей Дубровин, хотя и претерпевал гонения, но по лестнице овладения техникой поднимался исправно, став к 1940 году видным специалистом в области гидротехники. И как видный специалист удостоился приглашения на один из докладов «О международном положении», организованный Главводстроем Наркомзема в Москве.

Вступил Дубровин в зал и занял место в первом ряду в тот момент, когда доклад должен был вот-вот начаться. На эстраде восседал за красным столом президиум, среди которого присутствовала женщина, бросившая на него при появлении пристальный взгляд.

«Где и когда довелось мне встречаться с нею?» — пронеслось у него в голове.

Председательствовавший за столом нарком земледелия Бенедиктов встал и объявил, что сотрудница Берлинского посольства Тольская, Нина Павловна, расскажет собранию, что довелось наблюдать ей в Германии в последние годы.

«Тольская! Нина Павловна! — воскликнул мысленно Дубровин, приподнявшись в кресле от изумления.

Тольская поднялась, чуть заметно кивнула Дубровину головой, шагнула к рампе и стала говорить.

Говорила она тем приятным душевным голосом, который раз посетив чье ухо, долго не оставляет его. Выглядела Нина Павловна значительно изменившейся после Сибири; но в общем недурно еще. Одета была она просто

— в кремовую закрытую блузку и в светлокоричневую, английской шерсти и покроя юбку. Прекрасные каштановые волосы ее не щетинились, как щетинятся сейчас у московских модниц под «а-ля мальчика», а свободно лежали узлом на затылке. И ни на лице, ни на губах, ни на холеных ноготках ни мазка краски.

Дубровин опустил глаза. Нина Павловна продолжала говорить и увлекать слушателей в страну островерхих черепичных крыш, благоустроенных городов, образцовых лесов, непуганных птиц, размеренных жителей, развитой промышленности, шагающих по стране и орущих во все горло: О, галло, галло! — шуцкоров.

Говорила Тольская с час и захватила слушателей. В заключение отметила, что: «О, галло, галло!» это рождается где-то в немецких малоземельных деревнях, разносится по городам, виснет над страной и все ближе и ближе пододвигается к земле Русской. Так и сказала: «к земле Русской».

По окончании доклада, Дубровин задержался некоторое время в зале, захваченный нахлынувшими воспоминаниями. Нина Павловна пожала Бенедиктову и партийному секретарю руки, сошла с трибуны и направилась к выходу. Проходя мимо Дубровина, остановилась. Дубровин поклонился.

— Рада, что не ошиблась, заметив вас с трибуны, — проговорила она тепло.

— В той же мере и я, — отвечал Дубровин.

— Если в той — проводите.

Пошли к выходу.

— Женаты? — спросила Нина Павловна, спускаясь лифтом.

— Женат.

— На томской блондинке?

— На ней.

— А я не удосужилась. Промыкала молодость на фронтах гражданской войны и осталась бобылкой. Не почтите чрезмерной вольностью, если я приглашу вас поужинать в какую-либо ресторацию.

— Помилуйте. Буду рад.

— Великолепно. Мотивы приглашения этого, станут понятны вам несколько позже. Сегодня у нас какой день? — спросила она, спустившись вниз и выйдя на улицу.

— Пятница.

Нина Павловна глянула на часы.

— Сегодня поздно уже, — продолжала она. — Может быть завтра, вечером?... Жена ревнивая?

— Жена, как жена. Но ее сейчас нету дома.

— Так что головы мылить некому будет. Куда бы только поехать?

— В Савой.

— В Савой не советую. В Метрополь — тоже. Большая в них слежка. Поедемте в «Москву». Там ее меньше, а зал — больше. Разговор же предстоит длинный и деликатный.

На другой день Дубровин решил было позвонить по телефону и отказаться от поездки. Но решения этого хватило ненадолго. С наступлением условленного часа, литературный зуд погнал его в ресторан. И не скроем: не один литературный зуд; какой же мужчина устоит от приглашения на ужин хорошенькой женщины!

— Вот, дорогой Алексей Петрович!.. Так, кажется, зовут вас? — говорила Нина Павловна, усаживаясь за столик в зале гостиницы «Москва».

Дубровин кивнул головой.

— Гора с горой не сходится, — продолжала она, — а человек с человеком всегда может, хотя в стране уже около двухсот миллионов населения. Сколько это лет мы с вами не встречались? Больше десятка. И за эти годы у вас вон и виски подернулись серебром. Да и я не той стала. И внешне и внутренне. Но об этом, внутреннем, после, а сейчас — как же вы поживали в эти годы? Переехав из Томска в Москву в то далекое время, я попробовала было справиться, обосновавшись здесь, о вас у томских знакомых своих. Сообщили, что вы арестованы. Думаете не разыскивала? Разыскивала. Но разыскать в ту пору в ВЧК человека невозможно было. Потом пошли университетские годы, дипломатическая служба, езда позаграницей, ну и забыла. А когда-то очень интересовалась ва-

ми. И вашими стихами, рассказами, очерками. Сейчас пишете о чем нибудь?

— Пишу, но только в техноэкономическом жанре.

— Жаль. В сибирскую пору проявлялся у вас недюжинный художественный талант.

Дубровин поклонился и окинул взглядом правильный профиль собеседницы, свежие чувственные губы, высокую грудь.

— А вы раньше сего не замечали?

— Чего это, Нина Павловна? — проговорил Дубровин, смутившись.

— Интереса моего к вам в уральскую пору?

— Не замечал.

— Интересовалась. И прояви вы ко мне тогда тоже какой-нибудь интерес...

Дубровин наполнил бокалы вином. Ужин пошел в разговорах о том, о сем. Допив второй бокал вина, Нина Павловна откинулась на спинку стула.

— Сижу я тут вот, Алексей Петрович, — начала она помолчав, — беседу веду, вино пью, а у самой кошки скребут на душе.

Дубровин взялся за бутылку. Нина Павловна положила изящную руку свою на его руку.

— Приехала я сюда, — продолжала она, — не жизнь прожигать, а подвести ей, жизни этой, итог, обнажить душу, исповедаться в содеянном...

Оркестр заиграл фокстрот.

— Вы танцуете, Алексей Петрович? — спросила Тольская.

— Нельзя сказать, что искусно, но ходить в такт музыке могу, — отвечал Дубровин, полагая, что в танце пройдет навеянный вином сплин на партнершу его.

— В современном танце ничего другого и не требуется. Пойдемте! А то у стола могут быть уши.

Дубровин сдвинул его с места.

— Не думайте, что этим можно избавиться от них. Уши не проволочные, а эфирные, эдакие маленькие, вделанные в какую-нибудь ножку стола аппаратики. И аппаратики эти творят людям немало зла.

Алексей Петрович обхватил рукой ладный стан дамы и повел ее между столиков, покачиваясь из стороны в сторону в такт танца.

— Я сказывала вам, что пришла сюда исповедаться, — продолжала Нина Павловна разговор в прежнем тоне. — Исповедаться перед отходом в иной мир.

Дубровин остановился.

— Не удивляйтесь и продолжайте ходить. Да, да! Перед отходом в иной мир. И исповедь свою хочу начать со времени появления своего, как вы вероятно помните, в общем нашем белом сибирском полку. Пришла я в полк тот не из патриотических чувств и не по нужде, а по наряду партии, для выполнения разведывательной и диверсионной работы...

Алексей Петрович наткнулся в движении на соседнюю пару.

— Поражены? — продолжала Нина Павловна. — Поражаться есть чему. Молоденькая и на вид нежная девушка и... шпионка, диверсантка. Вы не подозревали этого.

— До новониколаевского путча не подозревал.

— А после него?

— После него ходили и на ваш счет слухи. Но я не придавал им значения.

Фокстрот кончился. Нина Павловна направилась к столику. Дубровин последовал за нею.

— Подробно рассказывать об этом нету времени, — продолжала она, усаживаясь на стул подальше от стола. — Да и место не подходящее. Прочтете о деятельности моей в то время в тетрадке, которую передам по выходе отсюда. По прочтении сожгите ее. Почему следует прочесть? Вы литератор. А я верю, что в жизни вашей настанут лучшие литературные времена. Тогда можете использовать написанное в тетрадке, в назидание военным офеням.

Послышались звуки танго. Тольская повела партнера за колонны, где танцующих было меньше.

— В тетрадке пройдет перед вами жизнь моя закулисная до Томска, — продолжала она, кладя руку Дубровину на плечо. — В танце поведу рассказ о том, как по-

текла она после Томска. После встречи нашей в Томске, получила я от Революционного Военного Совета орден Красного знамени за сибирскую работу свою и предложение перебраться в Москву и поступить там в университет.

Уладив при помощи небезызвестного вам разведчика Турбина по приезде в Москву дело с квартирой и с поступлением в университет — сидела я, спустя неделю, в аудитории и слушала лекцию. На кафедре старичок-профессор; на нем пальто, шапка; стоял он на кафедре, дул на зябшие от зимней стужи в нетопленном помещении руки и говорил:

— Основоположником классической школы политэкономии... ффу! — дул он в кулак, — считается Адам Смит... ффу! Но Давид Рикардо... оказал на развитие науки этой большее влияние...

Студенты сидели в аудитории тоже в пальто, постукивая рваной обувью нога об ногу и слушали. Я куталась в вывезенную из Сибири беличью шубку, держала в руке карандаш и записывала формулировки законов политической экономии. Пальцы рук деревенели в холоде и отказывались водить карандашом по бумаге. С грехом пополам лекция кончилась, студенты повскакивали с мест и принялись бегать по аудитории, проделывая возможные артикулы, чтобы как-то согреться перед следующей лекцией...

Танго давно уже кончилось, а собеседники наши сидели на стульях в углу за колоннами и продолжали говорить.

— Вы, что делали в те годы? — спросила Тольская партнера.

— Тоже учился.

— Где?

— В Ташкенте.

— У вас там было, пожалуй, полегче, чем у нас. Особая восточная политика и всякое такое прочее. А у нас очень тяжело училось. Заработков не было никаких, стипендии выдавались грошовые, голод, холод, давили зверски. Турбин предложил было вспомоществование, но я отказалась, женская гордость не позволила...

— Вы уже второй раз поминаете имя Турбина, — проговорил Дубровин, когда Тольская прервала рассказ. — Что сталось с ним?

— О! — воскликнула она. — Турбин добился того, к чему стремился: — добился он и генеральского чина, и должности члена Реввоенсовета, и даже большего, чего никак не ожидал: расстрела!

— Расстрелян?

— По делу Тухачевского... Но оставим мертвых мертвым — и обратимся к живым... Как бы там ни было, а университет я кончила и, как владеющая несколькими европейскими языками, пошла по наряду партии работать в Комиссариат иностранных дел и погрузилась там в работу, днем — в европейском управлении, а вечером — в Институте мирового хозяйства. Что это за учреждение? Очень интересное. Изучается в нем экономика наша и иностранная по первоисточникам, а не по фальсифицированным данным. Проработав в нем года три, уехала за границу, сначала — во Францию, потом — в Англию, затем — в Германию. Работала там при посольствах официально в должностях номерных секретарей, а фактически ведала экономической разведкой. Работа эта была тяжелой и опасной. Тяжелой потому, что была разведывательной, а опасной по той причине, что в случае провала сулила изолятор. И не где-нибудь, а у себя, дома. Почему? Потому что держать такого на дипломатической работе нельзя, передать в другое ведомство опасно: может разболтать там известные ему тайны, а то и войти в связь с иностранной разведкой. Ну и объявляют его, раба Божьего, изгоем и запрятывают в изолятор без права переписки. Но я, заглянув не в один секретный иностранный сейф, раздобыв немалое число фотографий с ценных документов, организовав ряд диверсий ни разу не споткнулась.

Проходившая мимо танцующая пара задела Тольскую. Кавалер извинился и повел даму свою дальше. Нина Павловна продолжала.

— Работая длительное время за границей, я часто приезжала в Москву и интересовалась, имея доступ к не-

рафинированной статистической отчетности, куда идут ножницы разрыва между фактическими производственными данными и рафинированными. Ждала, что ножницы эти пойдут с течением времени на сжатие. Где там! Чем дальше шла жизнь, тем сильнее расходились они. О величине расхождения этого могут показать цифры хотя бы за прошлый год. По отчетным данным добыто в этом году угля, например, 140 миллионов тонн, а на самом деле только 90 миллионов, выплавлено чугуна по отчету 10 миллионов тонн, а фактически 7 миллионов, собрано зерна по тому же отчету 7 миллиардов пудов, а на деле едва 5 миллиардов. И так во всем. Я не утомила вас?

— Слушаю, что говорите, с захватывающим интересом, — отвечал Дубровин.

— Поговорим еще немного и разойдемся по домам. Живя во Франции, в Англии, в Германии и сравнивая тамошнюю жизнь с нашей, находила я и в этом расхождение пропагандной точки зрения на мировое хозяйство, культуру и общественные отношения с действительной. И французские, и английские, и немецкие «закабаленные капиталистической системой хозяйствования» рабочие и крестьяне живут не в пример лучше и свободнее наших. У европейского рабочего квартира состоит, как правило, из двух-трех комнат, жена одета так же прилично, как и жена инженера. И сам он ничем не отличается вне работы от работодателя.

Но допустим, что и во Франции, и в Англии промышленный пролетариат подпитывается за счет колоний. А в Германии? Германия, как мы знаем, лишена Версальским договором колоний. Тем не менее жизненный стандарт немецкого и рабочего и крестьянина не ниже английского и куда выше нашего.

На одном из семинаров для заграничных работников в Комиссариате иностранных дел Молотов вздумал было попытаться объяснить это тем, что де европейские государства старые индустриальные страны, а наша страна индустриально молодая.

Такое толкование явилось бы убедительным, если бы на свете не существовало Японии. Япония стала на путь

индустриализации раньше Советского Союза на каких-нибудь полсотни лет. А как поднялся быт ее индустриальных рабочих, крестьян?! — воскликнула Нина Павловна полушепотом. — Суть видимо не в том, что там происходит грабеж колониальных и полуколониальных стран, а в чем-то ином. Грабежа этого немало и у нас. Зерно забирается у крестьян почти подчистую по 6,4 копеек за килограмм, а продается рабочим печеным хлебом по 90 копеек за килограмм, что дает, с учетом припека и расходов на помол и выпечку, барыша не меньше рубля на килограмме зерна, что составляет больше тысячи процентов прибыли на затраченный капитал. Какой капиталистический колонизатор додумается до столь высокого процента извлечения прибыли из колоний своих!

Дубровин с немалым интересом глянул на собеседницу.

— Читала я подобного рода данные, — продолжала она, — анализировала их и приходила к выводу, что тут дело очевидно не в форме, а в основе, не в грабеже, а в хозяйствовании, не в колониальной политике, а в марксизме. Он, марксизм, и никто иной завел экономику нашу в тупик. Без него экономика эта была бы сейчас на уровне передовых в экономическом отношении стран. Взятые Россией за последние двадцать лет до революции темпы технического и экономического прогресса — свидетельством тому, ибо были куда выше наших.

Это — одна сторона того, к чему привел страну марксизм, — продолжала Нина Павловна, немного помолчав. — Другая — духовная и правовая, заведена им еще в больший тупик. Удушающие сейчас страну клещи террора явление не стихийное, а организованное, не анархическое, а плановое. В том же Институте мировой экономики довелось мне познакомиться с разработанным ЦК партии пятилетним планом принудительного передвижения народных масс из центральных областей страны в Сибирь, на Дальний Восток и на Крайний Север. В плане этом расписывалось сколько та или иная область должна репрессировать и насильно отправить в отдаленные места колхозников, рабочих, инженеров, агрономов и других спе-

циалистов. План этот утвержден был на заседании Политбюро и «спущен на места» для выполнения.

Дубровин содрогнулся.

— У вас, вероятно, возникает вопрос, — продолжала она, — почему рассказываю я все это? И рассказываю именно вам? Рассказываю я это вам, потому что вы единственный человек среди знакомых моих, кому могу открыть душу без опаски, что простившись со мною побежите в НКВД. А не открыть души своей я не могу; содеянные в жизни лютости переполняют ее, вопиют к совести, толкают совесть эту к иным свершениям.

Нина Павловна придвинулась к Дубровину, огляделась, сдвинула плотнее прежнего брови и продолжала:

— Сказала я, что натворила в жизни много лютостей. Да, Алексей Петрович, натворила их. Ох, натворила! Вошла я в марксистское революционное движение семнадцатилетней девушкой, загорелась идеей избавления рода человеческого от давившего его социального неравенства, бросилась в горнило борьбы, не щадя в борьбе этой ни себя, ни других, свела в могилу отца родного, положила на алтарь ее единственного человека, которого любила. И что же получилось? Получилась еще бóльшая социальная кабала, чем была прежде.

Тольская опустила голову. На эстраде заиграл оркестр, запела певица. Прошло минуты три.

— Чем же закончить покаяние? — заговорила она, поднимая голову. — Закончить его надобно полным отречением от того, чему поклонялась, что исповедывала. Почему? Потому что король, которого представляла прежде одетым в пышные одежды, оказался, при сколько-нибудь внимательном взгляде на него, голым. И не только голым, но и смрадным, распростра́няющим зловония свои на весь мир.

Сразу ли разглядела я это? Нет, не сразу, постепенно. И когда разглядела, стала в тупик. В тупике этом очутилась не одна я. Очутились в нем и многие другие... Вся партия очутилась... в тупике. И одни, зашедшие в тупик, заглохли в нем, выражаясь евангельским слогом. Другие стали метаться по нему, ища выхода, наталкиваться на

препятствия и гибнуть на шипах оппозиции. Третьи, пробив брешь в собственной совести, поплыли по течению; и таких оказалось большинство. Я не смогла ни заглохнуть, ни броситься в оппозицию, ни пойти по течению. Я предпочла вернуться назад, покаяться, примириться с Богом и самоустраниться, помереть.

— Бог с вами! — прошептал Дубровин.

— Да, да! Помереть! — зашептала она страстно. — Другого пути для меня нет. Оставаться в рядах партии и кривить душой, как кривят другие, я не могу. Пойти куда-нибудь в изолятор, с тем чтобы догнивать там век свой, не выход. Я когда думала, что вы единственный человек, кому могу открыться, имела ввиду и что вы единственный человек, который поможет мне сыскать священника.

— Священника?

— И самого настоящего, строгого.

— Зачем он вам?

— Чтобы исповедаться перед смертью.

— Снова о смерти?

— Да, о смерти! Сделайте Божескую милость! Прошу вас! Больше мне не к кому обратиться.

Народа набралось в зал столько, что говорить в нем, даже шепотом, становилось опасно. Нина Павловна поднялась. Дубровин тоже встал.

— Так как же насчет священника? — напомнила Тольская по выходе из зала.

— Вам сейчас его?

— Хорошо было бы сейчас.

Дубровин вспомнил, что домашняя работница, старушка Дарья Матвеевна, ездит на исповедь в какую-то кладбищенскую церковь, зашел в телефонную будку в вестибюле гостиницы и удовлетворил желание взбалмошной, как думал он, бабенки.

— Чуть было не забыла, — проговорила она по выходе на улицу, — передать вам отходную свою.

С этими словами вынула она из сумки пачку освобожденных от обложек, исписанных убористым почерком, сложенных вдвое несколько ученических тетрадей и про-

тянула Дубровину. Тот взял их и сунул в боковой карман пальто, полагая, что Тольская, хлебнув в ресторане лишнего, расчувствовалась, и что ттеради эти возвратит он ей при лучшем ее настроении.

•

Спустя неделю шел он по Смоленскому бульвару. В глаза бросился дом, напомнивший ему тот, в который заезжал он за Ниной Павловной, чтобы отправиться в ресторан. Глянул на часы. «Время, когда может быть она дома, — пронеслось у него в голове. — Зайду проведать ее».

По лестнице, на которую ступил он, чтобы подняться наверх, спускался человек. Дубровин спросил его, для утверждения в адресе, здесь ли проживает Тольская, Нина Павловна?

Человек тот остановился, окинул его пристальным взглядом и отвечал:

— Здесь, только не проживает, а проживала.

— Что, съехала на другую квартиру?

— Съехала, но не на другую квартиру, а в морг.

— Померла?

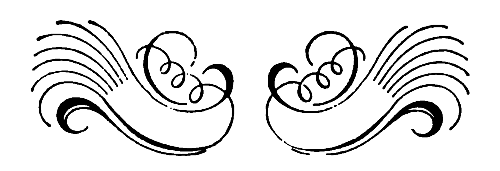
— Третьего дня покончила с собой.

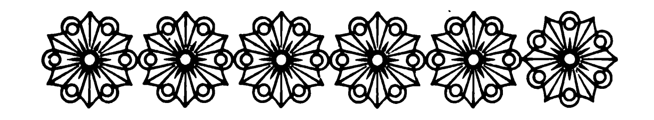
Дубровин остолбенел.

— И теперь в квартире ее, — продолжал незнакомец шепотом, — сидит энкеведист и всех наведующихся к ней задерживает и отправляет в НКВД.

Незнакомец поклонился, вышел на улицу и пошел в одном направлении, Дубровин — в другом. Оглянувшись и убедившись, что агент НКВД не гонится за ним, сел он в троллейбус и поехал домой.

Дома взял тетради Тольской и стал читать. Содержание их и послужило основой для создания повествования этого.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

КНИГА! В чем ее значение и слава?

В вольном перефразировании, книга — путеводитель жизни, средоточие мысли, кладезь культуры, хранитель идеи, бережение языковой чистоты!

Для человека же, именуемого в быту писателем, книга — цель жизни.

Но это о досоветских книгах. Самая древняя из них, вошедшая в историю под названием «Русской правды», современница Владимира Мономаха, наставляет:

> Ни права, ни крива, не убивайте.
> Ни повелевайте убити его.

Спустя семь столетий, у другой правительницы России, и к тому же писательницы, Екатерины II-й, возникает девиз:

> Лучше десять виновных отпустить,
> за недоказанностью вины, нежели хоть
> бы одного невинного наказать.

Иным духом пышут книги советские; не русские, а советские; ибо, хотя пишутся они буквами русскими, но преследуют интересы не национальные, а международные, однопартийные.

У нас в руках книга советская в полном смысле — «История коммунистической партии Советского Союза», выпуска 1959 года. И на всех ее семистах страницах кишмя кишит ложь и ненависть, расточаются призывы не к добру, а ко злу, не к миру, а к войне, к построению не демократического сообщества, а к усилению диктатуры пролетариата — не народа, а паразитического нароста на народном теле.

На странице 248-й второго тома другой советской книги — «Истории Великой Отечественной войны», вышедшей в 1961 году в Москве, повелевается:

«Нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности..., а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага... расстреливать на месте».

Вот к чему свелась роль советской книги. Но это еще не все; книга имеет, кроме внутренней качественной стороны, внешнее орфографическое оформление. И здесь советская партийная администрация ведет разрушительную работу по отношению к русскому языку, чрезмерным обременением его буквенной аббревиатурой, вроде: СССР, ЦК КПСС, ВЦСПС, МГРИ, МИИГАИК, МГПИИЯ, МИМЭСХ, МТИПП. И так далее и тому подобное.

Таких неудобно произносимых слов набирается в советском жаргоне русского языка свыше 10 процентов от его словесного запаса.

Здесь следует сказать несколько слов и о состоянии в зарубежьи русского книжного издательства. Его, собственно говоря, в сколько нибудь заметном объеме в Соединенных Штатах в послевоенную беженскую пору не наблюдалось, ежели не считать Книжного Издательства им. Чехова. Но оно, блеснув в Нью Иорке в начале пятидесятых годов, быстро исчезает. Вместо него возникают в местах средоточия русских беженских масс, местные русские книгоиздательства, принимающие на себя функции регулирования спроса и предложения русской литературы, как на дореволюционную, так и на советскую (самиздатскую), а равно и местную беженскую.

Лет пять тому назад возникает в городе Сан Франциско русское книжное издательство «Глобус», принадлежащее Владимиру Николаевичу Азару. Издательство это, в руках энергичного и толкового человека, стало быстро расти и развиваться.

В один из дней переступаю порог издательства этого и завожу разговор с его руководителем. За первым разговором, следует ряд бесед. И в результате их, появляется на книжном рынке солидно изданная, первая за рубежом моя книга — роман в трех частях, под названием «Алексей Дубровин».

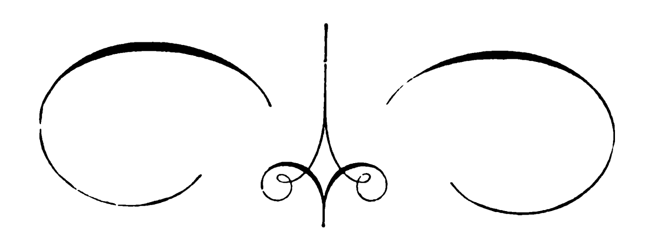
Года два спустя печатается в том же издательстве, такого же объема и качества новая книга моего пера:

«Дорогами Минувших Дней». В очередь ей становится третье произведение: «Отец Савватий», повесть из старообрядческой жизни на Алтае. А за нею будем ожидать на книжном рынке скромной по объему книжицы «Исповедь Разведчицы»...

И все они появляются на свет Божий иждивением ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА АЗАРА. ЧЕСТЬ ЕМУ В ЭТОМ И ХВАЛА!

Петр Алексеевский.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Русское Национальное
Издательство и Типография
Елизаветы Азар.

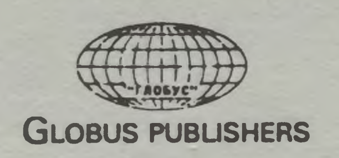
Технический редактор А. В. Гибанов.

Напечатано в Русском Национальном
Издательстве «Глобус».

Globus Publishers, P. O. Box 27471
San Francisco, CA 94127. Tel.: (415) 668-4723

ISBN 0-88669-063-3